

СИБИРИАДА

ВЛАДИМИР  
ТОПИЛИН

ДОЧЬ  
СЕДЫХ  
БЕЛОГОРИЙ

Сибиряда

Владимир Топилин

**Дочь седых белогорий**

«ВЕЧЕ»

2015

УДК 821-311.6  
ББК 84(2Рос=Рус)

**Топилин В. С.**

Дочь седых белогорий / В. С. Топилин — «ВЕЧЕ»,  
2015 — (Сибириада)

Сибирь конца XIX века. Жизнь здесь течет своим чередом. Малые народы Севера, коренное население тайги, переселенцы – их отношения складывались далеко не всегда благополучно. А «золотая лихорадка» внесла свою жестокую лепту в размеренную жизнь простых таежников. На одном из приисков коварный приказчик воспользовавшись случаем, завладел товаром хозяина и, не считаясь с честью и достоинством, подчинил себе семью тунгусов. Обманутые Загбой и его жена продолжали существование фактически на положении рабов долгие годы. Незавидно складывалась жизнь и дочери их – Ченки, молодой девушки-охотницы. И вероятно, в будущем ее ждало бы мало радостных дней, если бы не спасенный в тайге человек из погибшей геологической экспедиции...

УДК 821-311.6  
ББК 84(2Рос=Рус)

© Топилин В. С., 2015  
© ВЕЧЕ, 2015

## Содержание

Часть первая	6
Чрево черной полыньи	10
Загбой	18
Ночное зарево	34
Цена девичьих кос	40
В объятиях ледяного плена	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

# **Владимир Степанович Топилин**

## **Дочь седых белогорий**

© Топилин В.С., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

## Часть первая

### Пасхальная ночь

И снится ему сон. Перед ним высокий голец. Вершина его неприступна, холодна, тяжела и страшна, как свинцовые облака в грозовую погоду. Однако каменный остроугольный пик светится бледно-жёлтым матовым светом. Таким ласковым, нежным, чарующим, притягательным, что сердце наполняет благодать. Смотрит он, и кажется, что это огромный слиток золота. Целый, неразделимый, бесценный. Стоит только протянуть руку – и бесконечное богатство осыплет тебя всего.

Но к золоту со всех сторон крадутся люди, враги. Каждый из них хочет завладеть богатством первым, а ему не оставить ничего. Гнев, зло заполняет всё его трепещущее существо. Сознание требует только одного: добраться до золотого пика первым. Ведь это богатство ЕГО и принадлежит только ЕМУ! Задыхаясь от бешенства, он ползёт по вертикальной каменной стене гольца. Ногти ломаются, пальцы лопаются, сухожилия в запястьях рук напряжены до предела.

Невыносимая боль захватывает тело. Хочется разжать ладони, но жажда наживы сильнее. Нельзя отступать. Тем более, что до вершины осталось несколько метров. Кажется, стоит только протянуть руку – и он бесконечно богат. Но вдруг остроконечная золотая вершина медленно падает на него, давит своим грузом и, увлекая за собой, уносит в пропасть.

Ощущение бездонной пропасти сковывает каждый мускул. Болезненные судороги стягивают суставы. И нет сил справиться с этим ощущением. Вокруг лавина снега, камней, грязи. Он проваливается в жидкую массу половодной шуги. Лёд, снег, холодная вода топят его в вешней реке. Хочется крикнуть, но лёгкие заполнены смрадом. Нет сил продохнуть. Он задыхается от дыма.

Жарко! Горит огромный костёр, и он находится в этом огне. Пламя пляшет по лицу, на руках пузырится кожа. Невыносимая боль от ожогов сковывает движения. Он пытается убежать, но не может даже пошевелить рукой. Кто-то тянет его в черноту, выбивает из спины угарный дым. И слепое сознание начинает возвращаться в тяжёлую голову.

Голова... как нестерпимо болит голова! Кажется, что жестокий медведь-шатун сомкнул на его черепе свои клыки. Режущие зубы пронзают насквозь. Ещё мгновение, и он умрёт. Да лучше бы он умер, чем терпеть такую боль. В глазах пляшущие краски огня. Костёр, дым едкий, колючий. Он долго кашляет, выбивая из себя горечь. Какая-то неясная фигура мечется вокруг него.

Что происходит? Может быть, он умер? И находится в аду? Тогда почему так ощутимо горит лицо, а ноги мёрзнут? Кажется, он начинает что-то понимать. Слышен страшный треск, что-то горит, светло как днём. Вокруг него лежат раскиданные вещи: одежда, ружья, сумка с документами, ещё какие-то мелочи. Зачем они здесь, и почему всё валяется?

Там, у границы пихтача – чернота. Далеко в небе светятся звёзды. Ночь. Но тогда что горит? Собрался с силами, посмотрел на костёр и ужаснулся. Неукротимым пламенем горят избы и склады. Три яростных факела бьются высоко в небо. Трещат стены строений. Журчат ручьи от плавленного снега. От жара качаются, шипят ветки дальних лиственниц. Он потянулся, попытался встать на колени. Рядом голос:

– Ай, бое! Живой, отнако! Карашо. Мой тумал, ты помирай.

Он поднял голову, в свете бушующего пламени узнал знакомое плоское лицо. Тунгус Энакин. Почему он один? Где все? А эвенк, увидев, что он пришёл в себя, опять бросился в огонь, подбежал к входу в избу, да тут же едва отскочил назад: рухнула подгоревшая матка, горящая крыша завалила помещение.

– Ай, Амака! Ай, бое! Смерть пришла! – закричал тунгус, падая на снег. – Пашто так телять?!

Он наконец-то пришёл в себя, собрался с силами, шатаясь, подошёл к эвенку:

– Где хозяин?!

– Там, – махнул рукой Энакин на горящую избу.

– Что случилось?

– Мой не знай. Мой спал чум. Проснулся – огонь горит. Никого нет, – эвенк схватился за голову, закачался из стороны в сторону. – Однако, все там, – махнул он рукой на огонь.

Кажется, наконец-то он стал понимать, что происходит. Пожар! Как так могло случиться? Горят сразу две избы. Первая из них охвачена полностью. Сколько там осталось человек? Он не помнит. Был слишком навеселе. Если бы не Энакин, он был бы сейчас там... По всей вероятности, эвенк выдернул его в последние минуты, а потом обвалилась крыша. Вторая изба ещё цела, хотя полностью объята пламенем. Но к зимовью не подойти и на три метра. Резкий, порывистый ветер крутит огонь, бросает снопы искр, плавит снег.

Энакин пытается подбежать к закрытой двери, но не может. Даже на расстоянии на его голове трещат волосы, мокрая одежда парит. Прежде чем броситься в огонь, эвенк нырнул в прорубь. Может быть, добежать до реки ещё раз, но до воды слишком далеко. Погибнут люди. Тогда Энакин хватает деревянную лопату, начинает кидать в огонь снег. Пламя отступает, огонь шипит, гаснет. Но подойти к двери всё равно невозможно. Одному человеку не закидать бушующего костра. Нужна помощь.

– Помогай, бое! Спасай надо человек! – кричит тунгус ему, закидывая в пламя очередной ком плотного снега. – Месте, однако, мозно огонь тушить.

Но он стоит на месте, на некотором расстоянии от своего спасителя. В его голове мечутся ожившие мысли: а может, это судьба? Первая изба горит полностью, у второй сейчас рухнет крыша. Тем, кто там, внутри, уже не поможет. Да и... зачем помогать, если представился случай? Сейчас главное – успеть!

Он бросился вперёд, но не ко второй избе, на помощь тунгусу. На склад! Где в завьюченных потках и мешках хранится пушнина.

Энакин заметил его, попытался остановить:

– Куда, бое? Нато люди спасай!..

Но он не слышит. Живо подбежал к приземистому строению. Здесь не так «жарко». У склада горит только одна, прилегающая ко второй избе, стена. С плоской крыши бежит снег, заливает языки пламени. Пламя шипит, гаснет, однако через мгновение вновь вспыхивает. Может быть, хорошо, что склад начинает гореть снаружи, а не изнутри. Тем не менее деревянное строение обречено. Склад с пушниной находится рядом с пожарищем: стена к стене. Старые бревна высохли, как порох. А порывистый ветер и пламя разбушевались не на шутку. Успеть бы...

На дверях небольшой замок. Нет, не от воров. Какие могут быть среди тунгусов воры? Так просто, для вида, что в складе никого нет. Замок – не преграда. Рядом с дверью на стене висит чьё-то ружьё. Он схватил его, ударил прикладом по щеколде, замок отлетел. Путь к богатству свободен! Внутри помещения темно, как в зимнюю ночь. Но это не помеха. В складе он знает каждый сантиметр и, как крот в своей норе, на ощупь, может разобраться, где что лежит.

В первую очередь самое ценное: соболя! Соболя – по-русски. Дынка – по-тунгусски. Какая разница, как называть? Важно другое, как светятся глаза у модных красавиц при виде шоколадного меха. Русские скупают шкурки за порох, муку, сахар или водку. А на западе за них дают золотые монеты. Самая дешёвая шкурка стоит в двадцать пять раз дороже, чем здесь. Вот они, упакованные в бунты. В каждом по сорок штук – «сорока», как принято называть с незапамятных времён при торговле с купцами. Каждый бунт он упаковывал своими руками и

помнит, где, в каком мешке лежат самые чёрные козаки<sup>1</sup>, где шоколадные, а где серого, мышинного цвета.

Начал выбрасывать их в дверь на улицу, как можно дальше, чтобы не упала искра. Семнадцать поток. В каждой потке по два «сорока». В целом получается тридцать четыре сорока, или одна тысяча триста шестьдесят соболей. Ещё один сорок не набран, на верёвочке десятка полтора штук. Их тоже на улицу. Справа, на пряслах – пятьдесят восемь лисиц, двадцать шесть рысей, сто пятьдесят четыре песца, двадцать две выдры. Слева, в бунтах, белка. Около семи тысяч штук. Накидал гору.

Надо не один десяток оленей, чтобы увезти все потки. Он всё знает точно, сам принимал пушнину. Для одного – это целое состояние. Стоит только переправить «туда» – и можно обеспечить себе безбедную жизнь. Ещё раз проверил все углы склада – пусто. Больше ничего нет.

На улице на мгновение задержался. Первая изба догорает. Вторая полностью охвачена пламенем, ещё немного – и упадёт крыша. К нему бежит Энакин. На глазах слёзы, дыхание разорвано от горя. Подскочил вплотную, схватил за куртку:

– Эй, люча! Пашто не помогай? Там отец, люти гори, помирай. Вместе, отнако, спасти можно!

Он оторвал его от себя, отбросил, как щенка, в сторону, злобно закричал:

– Теперь никому не поможешь! Все сгорели!

– Я тебя спасай. Ты мне не помогай. Плахой человек, – не унимается Энакин. – Пойдём, отнако, ещё можно снег кидай!

– Куда идти? Сам сгореть хочешь?! – ещё больше злится он и про себя подумал: «Эх, гадёныш. Расскажет ведь, что было. Всем расскажет! Что делать?»

Пока думал, Энакин, кажется, собрался уезжать. Побежал к оленям, погнал их к чуму. Нет, слишком большая ставка. Надо что-то решать. И через минуту уже не сомневался: придётся ещё один грех на душу брать...

Он побежал к продуктовому складу. Заскочил в темноту. Где же, где они? Да вот! Нашупал рукой холодные стволы ружей. Здесь целая пирамида: с десятков малопулек, гладкостволки, шомполки. Всё для покруты (товарообмен) с тунгусами. Но всё не то. Надо надёжное, нарезное, чтобы сразу, наповал. Ах, вот, чуть в стороне, под дерюгой, короткоствольный винчестер. Надёжен, как кованый гвоздь.

Правая рука потянула карабин, левая, на полке, нашла коробку с патронами. Дёрнул рукой скобу вниз, по памяти заправил три патрона. Хватит? Может быть. Лишь бы не промазать. Выскочил к дверному проёму, присмотрелся. От пожара на улице светло, как днём, всё видно. Где Энакин? Да вон же, у оленя топчется. Взял курок, прицелился в спину. До эвенка метров тридцать, не должен промахнуться...

Резким хлопком бича ударил выстрел. Тунгус, даже не повернувшись, осел на ногах, ткнулся лицом в снег. Готов, собака. Нет свидетеля.

Выскочил на улицу, хотел подбежать, добить. Однако остановился. Пушной склад взвился факелом! Загорелась крыша, стены, дверь. Сейчас не до Энакина. Ещё минута, и огонь перекинется на продуктовый склад. Надо спасать продукты. Приставил винчестер к стене, заскочил назад. Чертыхаясь и проклиная всё на свете, начал выкидывать мешки с крупой, мукой, сахаром, солью. Не забыл про ружья, патроны, порох, дробь, свинец. Надо как можно больше выкинуть припасов: путь предстоит неблизкий!

Работал долго, быстро, упорно, пока не затрещали бревенчатые стены. Склад затянуло дымом, первые языки пламени бросились внутрь помещения. Всё, хватит. Пора спасать свою шкуру.

---

<sup>1</sup> Высший сорт соболя.



Как только выскочил на волю, подхватил винтарь, сразу же – к тунгусу. Сделал несколько шагов, похолодела спина. Нет оленя, как и нет эвенка. Не веря глазам, подбежал к тому месту, где стоял Энакин. Да, вот следы, кровь. Но дальше только копыта верховика. Уехал, сволочь!..

Собрался-таки с силами! Эх, чёрт, почему не подбежал и не добил? Присел на снег и, как пойманный в капкан волк, оглядываясь по сторонам, заскрипел зубами. От тоскливого предчувствия заныло сердце, похолодела душа.

## Чрево черной полыньи

Резкие порывы мягкого весеннего ветерка принесли тёплый воздух. От нежного прикосновения невидимой руки вздрогнули поникшие лапы высокоствольных лиственниц, закачались густые заросли прибрежного ольшаника, негромким свистом откликнулись голые ветви стройных берёз. В приветственном танце по снежной корке прочного наста закружились ржавые хвоинки, перегнившие листья, лепестки еловых шишек и лёгкие отслоения отмершей коры деревьев.

Радуюсь ласковым лучам весеннего солнца, на вершине старой ели застрекотала кедровка. Ей откликнулись более мелкие пичуги. Резко порхнув тугими крыльями, весело засвистел пёстрый рябчик. Из далёкого займища долетело первое, негромкое тьяканье лисицы. Высоко в небе звонким колоколом заговорил чёрный ворон. Как будто под тяжёлыми шагами весны, на реке глухо треснул лёд. Белоснежный панцирь, сковывавший быструю воду долгие месяцы, мягко просел, опустился придавленной ватой.

На край большой продолговатой промоины из волнующейся быстрины резвым мячиком выскочила огромная чёрная выдра. Не выпуская из острых зубов только что пойманного хариуса, она замерла обгоревшим пнём. Какое-то время «стремительная торпеда» смотрела вокруг, оценивая окружающий мир. Не обнаружив опасности, проворная жительница речной стихии бросила рыбу перед собой, тут же схватила её цепкими лапами, разорвала на несколько частей и принялась за еду. Быстро покончив с обедом, хищная представительница сибирских рек занялась необходимым туалетом.

Выдра запустила в свою шубу чувствительный нос и стала взбивать густой мех. Прихорашиваясь, она была так увлечена, что, казалось, не замечала ничего вокруг себя. Но, следуя своему врождённому инстинкту самосохранения, она продолжала следить за окружающим миром особым, седьмым чувством, и неожиданную перемену почуяла вовремя. Как будто по чьей-то команде, мгновенно отказавшись от туалета, она резко подняла голову и замерла бурым изваянием. И хотя вокруг всё было тихо и спокойно, по её встревоженному виду можно было догадаться, что в природе происходят какие-то перемены. Вдруг царица речной стихии нервно закрутила головой, суетливо запрыгала на месте и, не дождавшись надвигающейся опасности, растаяла в промоине.

На засыпанном снегом берегу, на границе леса взволнованно засвистел рябчик. Он видел, как в воду нырнула выдра, и, так же, как и она, почувствовал неопределённое волнение, происходившее где-то в глубине тайги, в далёком, тёмном займище под плоскогорьем. Это напряжение зарождалось от непонятных, настораживающих звуков, которые не походили на естественные голоса тайги. Они напоминали далёкий набат колокола. Затем рвущееся эхо принесло нечто, отдалённо напоминающее перезвон бубенцов бегущих оленей.

И только лишь по прошествии ещё какого-то времени до насторожившихся обитателей тайги уже отчётливо долетел напористый лай собак. За перебранкой четвероногих друзей чело- века послышался резкий хруст наста, ломаемого чьими-то тяжёлыми, быстрыми шагами, треск сучьев под напором грузного тела и шумное, учащённое дыхание. С каждой минутой звуки становились отчётливей, ближе. Теперь можно было догадаться, что собаки облаивают какого-то зверя.

Встревоженный рябчик ещё раз звонко, предупреждающе свистнул, нервно вздрогнул хвостом, пробежался по склонившейся ветке и, не дожидаясь приближающегося хаоса, порхнул в густую чашу.

Вот в глубине займища мелькнула чёрная тень. Стремительно передвигаясь между стволами деревьев, взбивая и разбрасывая по сторонам плотную, ледяную массу снега, бегущий

изо всех сил старался оторваться от погони. В большом буре пятне можно было без особого труда узнать могучего обитателя тайги.

Выбежав из густой чащи, сохатый остановился. В глазах застыл панический ужас. Сознание могучего великана сковал страх. Из приоткрытого рта вырывалось частое, шумное дыхание. Нервная дрожь пронизывала уставшее тело. По изрезанным крепким настом ногам бежала кровь. Под правой лопаткой торчал короткий обломок стрелы.

Неожиданная перемена местности испугала зверя не меньше, чем бегущие за ним собаки. Перед ним лежало открытое пространство, скрытая подо льдом и снегом река. Посередине реки темнела узкая промоина.

Сохатый понял, что перебраться на противоположный берег ему не удастся. Слишком тонкий, подточенный весенними водами лёд не выдержит веса его тела. Провалившись, он уже не сможет выбраться назад. Быстрое течение воды затащит под ледяной панцирь. Он боялся собак, человека. Но промоина ещё страшнее. Это – явная, видимая смерть. От собак он мог отбиваться своими крепкими, сильными ногами. На человека мог броситься, сбить с ног и затоптать копытами. Но преодолеть ледяную реку он бы не смог.

А между тем его настигла настойчивая погоня. Три пёстрые, чёрно-белые лайки догнали его одновременно. С громким, яростным лаем они бросились к нему, окружили и принялись рвать обречённого зверя за густую, пустотелую шерсть. Критическое положение таёжного великана осложнялось тем, что крепкий, прочный наст держал собак на поверхности. А он, в отличие от своих врагов, утопал в глубоком снегу по грудь и находился в невыгодном для защиты положении. Собаки бросались на его незащищенные бока, рвали израненные ноги и даже вскакивали на спину. Защищая себя, сохатый круто разворачивался, бросался на своих врагов. Отпугивая от себя одного врага, он открывал другой бок, на который тут же бросалась вторая лайка. Стоило обратить внимание на очередного противника, как две других собаки бросались на него с другой стороны.

Так продолжалось недолго. Очень быстро сохатый понял, что ему необходимо обеспечить себе защиту сзади. Прикрытием послужила большая, разлапистая лиственница, стоявшая неподалёку от места схватки. Сделав резкий бросок вперёд, разогнав собак, зверь достиг желанного места в несколько прыжков. Вбешенные лайки бросились за ним, попытались вцепиться острыми клыками, но, к своему негодованию, увидели склонённую голову и взметнувшиеся копыта. Добежав под прикрытием лиственницы, сохатый успел развернуться и встретить их во всеоружии.

Лайкам стоило огромных усилий, чтобы увернуться от стальных ног, от мгновенной смерти. Теперь зверь был надёжно защищён сзади и не боялся внезапного нападения со спины. Он стал оттапывать под собой снег, выбивая для себя небольшую площадку. Это удалось сделать очень быстро. За небольшой промежуток времени, одновременно отбиваясь от наседавших собак, он разбил и притоптал копытами крепкий снег на значительном расстоянии от себя. Теперь те боялись прыгать в яму: понимали, что прыжок может привести к неминуемой гибели под ногами раненого зверя. Им ничего не оставалось, как облаивать недостижимую добычу с расстояния. И они усилили свою яростную осаду. Их злобные выпады с каждой минутой становились всё настойчивей, уверенней. Лайки знали, что на их голос очень скоро придёт человек.

Охотник был близко. Умело скрываясь за толстыми стволами деревьев, заранее определяя своё продвижение за густым кустарником, он осторожно, стараясь не спугнуть зверя, подкрадывался к желанной добыче. Надетые на широкие лыжи мягкие чехлы из собачьих шкур отлично глушили шум и шорох наста под шагами крадущегося человека. Встречное течение воздуха относило запахи далеко назад. Неторопливые, уверенные движения сильного тела с лёгкостью пружинистого аскыра несли охотника вперёд. Он уже видел беснующихся собак и осаждённого сохатого. Для того, чтобы произвести один-единственный, точный, смертельный выстрел, ему оставалось преодолеть ещё несколько десятков метров.

Зверь не видел человека. Всё его внимание было переключено на собак. Теперь он был более спокоен и уверен в своих действиях. Утоптанная площадка и лиственница защищали его. Сохатый мог легко передвигаться в нужном направлении, не опасаясь нападения сбоку и сзади. Единственное, что его раздражало и мучило в эти минуты – застрявшая в теле стрела. Она вызывала острую боль в правом боку и постепенно забирала силы зверя. Это было видно по поведению сохатого. Его движения становились неуверенными и какими-то неуклюжими. Выпады на собак заметно сократились.

Наконец сохатый остановился. Он уже не бегал и не отпугивал своих врагов, а, понуро опустив свою большую безрогую голову, раскачивался из стороны в сторону. Казалось, что судьба зверя решена. Собаки захлёбывались собственным лаем, предчувствуя скорую развязку. Неподдалёку, за огромным стволом лиственницы, хладнокровный охотник тихо, без щелчка взвёл курок ружья.

В это мгновение, как будто насмехаясь над человеком, лёгкий шалунишка-ветер «заячьей смёткой» круто изменил своё направление. В какой-то миг холодный воздушный фронт развернул тёплое атмосферное течение на сто восемьдесят градусов. Острые запахи охотника коснулись чутких ноздрей сохатого.

«Человек! Смертельная опасность! Самый страшный враг!» Мысли, как молнии промелькнули в голове за долю секунды. Во все времена, из глубокой древности охотник вызывает у животных страх. Сохатого неожиданный «сигнал» поверг в панический ужас. Он уже встречался с человеком, который доставил ему адскую боль сегодня утром. Памятью об этой встрече из печени торчал обломок от стрелы.

Не выбирая дороги, огромными, двухметровыми прыжками сохатый бросился вперёд. Не ожидавшие такого стремительного передвижения своей добычи собаки едва успели увернуться от его острых копыт. Ещё не понимая, что произошло, они на какое-то мгновение задержались на месте, но увидев убегавшего зверя, бросились в погоню. А тот, воспользовавшись замешательством врагов, успел оторваться от преследователей и уже пробежал некоторое расстояние. Только вот направление передвижения зверем было выбрано неправильно. Он бежал по реке, по засыпанному снегом льду. Впереди рваной раной зияла промоина.

Но зверь не остановился перед препятствием. Ширина полыньи составляла всего каких-то пару метров. В своей жизни он преодолевал гораздо большее расстояние. А эту промоину зверь решил перемахнуть одним прыжком. Не останавливаясь, он резко оттолкнулся задними ногами и с лёгкостью метнувшейся белки перелетел через промоину. Но тонкий, подточенный внешней водой лёд не выдержал веса сгруппировавшегося тела.

Раздался звонкий треск лопнувшего стеклом льда. Взметнувшиеся фонтаны ледяных брызг. Глухой, бухающий звук воды, сомкнувшейся над провалившимся сохатым. Через мгновение он вынырнул, но уже значительно ниже места своего падения. Течение реки быстро понесло его вниз по промоине.

К этому времени негодующие собаки достигли края полыньи. Две из них в нерешительности остановились перед препятствием. Но третья, самая азартная и наиболее злобная, не задумываясь, прыгнула на голову проплывавшего мимо сохатого. Острые клыки сомкнулись на шее зверя.

Обезумевшее от страха и боли животное попыталось сбросить с себя ненавистного врага. Сохатый встряхнул головой и глубоко, натуженно застонал. Однако попытки избавиться от собаки оказались бесполезными. Пронзив мёртвой хваткой на затылке таёжного исполина жизненно важные нити, лайка не разжимала свои челюсти. А быстрое течение реки несло их к окончанию промоины.

За несколько метров до границы между жизнью и смертью сохатый сделал последнюю отчаянную попытку вырваться из плена. Резко рванувшись, он выкинул передние ноги на лёд. Не имея какой-то опоры, острые копыта лишь скользнули по гладкой поверхности и, не задер-

жавшись, вновь утонули в воде. Потеряв последнюю точку опоры, не удержав равновесия, зверь медленно погрузился в чёрную пучину. В воздухе в последний раз мелькнули судорожно бьющиеся лапы собаки и согнутые в судороге ноги сохатого. Ещё одно мгновение, и они исчезли подо льдом. Как будто насмехаясь над своими жертвами, коварная река свернула бурное течение в маленькую воронку. Откуда-то из глубины на поверхность вырвались воздушные пузыри.

Неожиданное исчезновение добычи и собрата озадачило собак. Всё ещё не понимая, что произошло, они в растерянности и замешательстве смотрели в воду. Яростный лай сменился жалобным повизгиванием. Они все ещё верили и ждали, что вот-вот и из-под края промоины покажется вытянутая голова зверя и их друга.

С берега, ловко переставляя лыжи, на помощь бежал человек. В ожидании поддержки собаки бросились ему навстречу, призывно, как будто что-то хотели сказать, залаяли взволнованными голосами и, увлекая хозяина за собой, вернулись к месту трагедии. Но и теперь их встретила гнетущая пустота и черные волны узкой промоины. Понимая, что произошло неправимое, лайки жалобно заскулили, подавленно опустили головы и, не глядя на человека, присели неподалёку от полыньи.

Охотник остановился рядом с собаками. Его глаза были полны печали. Медленно осмотрев место трагедии, он воткнул приклад ружья в снег, снял с головы лохматую шапку, рукавицы, бросил их себе под ноги и закрыл лицо ладонями. Потом, как будто очнувшись от глубокого забытья, оторвал руки и напряжённо прислушался.

Узкий разрез глаз взором сокола бесполезно блуждал по белоснежному панцирю льда и снега. В сознании вспыхнула надежда: «А вдруг?!» Губы охотника шептали какие-то непонятные, бессвязные слова. По заглубившимся на ветру и холоде щекам к редкой бороде скатились две прозрачные слезинки.

Прошло немало времени. Удостоверившись в бесполезном ожидании, охотник вздрогнул, глубоко вздохнул, медленно надел шапку, рукавицы, закинул за плечи ружьё и, круто развернувшись, пошёл к берегу. Собаки, понуро опустив головы, побрели следом.

На месте недавней осады, там, где собаки держали сохатого, охотник остановился, стал внимательно изучать следы. Опытным взглядом осмотрел приходной след зверя, утоптанную площадку, кровь на снегу, резкий рывок и бегство таёжного исполина от опасности. Особое внимание уделил цвету крови, её обилию и месту. Потом снял лыжи, стал ходить по площадке, представляя себя на месте раненого зверя. В заключение непродолжительного расследования следопыт разочарованно развёл руками и о чём-то со скорбью сказал сидевшим рядом собакам. Как будто понимая его речь, лайки виновато опустили головы, отвернулись в сторону. Но в словах хозяина не было укора в адрес своих верных помощников. Они отлично исполнили свои обязанности. В случившемся не было их вины.

Человек это прекрасно понимал и видел по следам на снегу. Наоборот, это он не смог предвидеть события. Ему надо было просчитать, в каком состоянии находится раненый зверь и что предпримет в дальнейшем для своего спасения. Стрела, выпущенная из лука сына, пронзила жизненно важный орган сохатого – печень. Если бы он не поспешил... Следы и кровь на снегу рассказали охотнику, что раненый зверь был обречён. Стоило подождать какой-то час, и ноги сохатого не выдержали бы слабое тело.

Охотник вытащил из-за пояса топор, срубил небольшую сушинку, наколот дров. Затем разбил обухом старый пенёк, набрал горсть ржавой трухи, осторожно пересыпал её с тоненькими щепочками и приготовился к священнодействию. Запустив заглубившую руку во внутренний карман парки<sup>2</sup>, он вытащил драгоценный трут и начал быстро добывать огонь. Через несколько минут от быстрого вращения смолистой палочки задымилась нагретая труха. Маленькие,

---

<sup>2</sup> Меховая верхняя одежда северных народов.

тлеющие искорки поползли по тонким, сухим лучинкам. От настойчивого дыхания вспыхнул огонь.

Где-то далеко в займище едва слышно щёлкнул сучок. За ним послышался лёгкий шорох. Собаки настороженно приподняли остроухие морды, прислушались к тайге, но голоса не подали. Они узнали шаги знакомого человека. Одна из лаек, самая молодая и проворная, вскочила на ноги, приветливо закрутила калачом хвоста и побежала по лыжне навстречу идущему. После этого неподалёку послышался недовольный голос, пронзительный визг собаки, получившей несильный удар палкой. Через мгновение из густого курослепа выскочила обиженная лайка. Поджав хвост, она молча подошла к лиственнице, легла на снег и недовольно посмотрела назад.

Вот неподалёку качнулись ветви молодой поросли. По проложенной лыжне к костру из тайги вышел охотник. На его раскрасневшемся лице отпечатались дорожки горячего пота. меховая парка распахнута, что говорило о его торопливом передвижении. Не доходя нескольких метров до стоянки, он снял из-за спины тугой лук, колчан со стрелами, повесил их на толстый сук лиственницы и, посмотрев по сторонам, удивлённо спросил:

– Отец, где сохатый?

Тот, к кому были обращены слова, с укоризной посмотрел на своего сына, подправил костёр под закипавшим котелком, глубоко выдохнул и грозно заговорил:

– В твоём теле, Хактын, слишком много жира! Почему так долго топчешь мой след? Я думал, что ты лёг спать.

– Юкса на лыжах порвалась. Пришлось шить новую, – краснея до кончиков ушей, ответил Хактын.

– Не абманивай своего отца. Загбой карашо знает крепление на твоих лыжах. Сам телал. Юксы крепки, как медвежьи жилы. Просто у тебя кароткие ноги!

Ещё больше смутившись, молодой охотник отвернулся от отца и обиженно надул губы. Загбой, не обращая никакого внимания на него, продолжал выговаривать:

– Твои глаза слепы, как у крота! Ты не мог остановить сохатого с первого раза! Зачем ты стрелял в печень, если на твоих стрелах железные наконечники? Нато бить в лопатку. Сейчас бы ты уже тавно ел жареные губы зверя.

– Я стрелял далеко. Там были кусты, – попытался оправдаться Хактын, но Загбой резко перебил его:

– Твои руки слабы, как лапки у лягушки! Они не могут натянуть тетиву лука! Твоё место в чуме, рядом с женщинами за вытелкой шкур! – проговорил он и быстрым взмахом руки дал понять, что разговор окончен.

Сказанные в сердцах слова отца действовали на сына удручающе. Ничего не отвечая, он стал бесполезно крутить в руках мохнатые рукавицы.

Однако суровые высказывания Загбоя в адрес Хактына были недолгими. Через минуту, подчёркивая свой покладистый, уравновешенный характер, он заговорил более спокойно. Опытный охотник рассказал о том, что совсем недавно произошло здесь, на реке. Хактын слушал речи отца с широко открытыми глазами. Ещё ни разу в своей жизни он не знал такого случая, чтобы вместе с утонувшим зверем погибла собака.

Но это обстоятельство не было главным в случившемся. Утонула собака – ну и что? У них есть две! Если захотеть, у старого Гухэ можно взять много щенков и вырастить из них новых собак. Главное для Хактына – жалость о погибшем звере. Большой сохатый – много мяса! Это сытый желудок, тепло тела, лень разума, отличный, долгий сон! Что ещё может сравниться с хорошей жизнью?

Так думал Хактын. Но Загбой – иначе. В разговоре с сыном он больше всего опирался на свой опыт и в данный момент как бы разговаривал сам с собой. Он знал, что Хактын ленив,

глуп, так же как и его мать Пэкты, и постоянно думает только о еде и сне. Так как же можно было сказать ему о том, что в настоящий момент мучило и терзало опытного охотника?

Загбой искренне скорбел о смерти своего четвероногого друга, утонувшего сегодня в водах Катоя. Его звали Чингар. Это был настоящий, преданный и незаменимый помощник в тайге, на охоте и в суровой кочевой жизни.

Чингар прекрасно брал любой след зверя, какой только водился в бесконечных просторах северной тайги. Злобная хватка, сила и смелость кобеля помогали Загбою в поединках с медведем. Настойчивость и ловкость служили несоизмеримыми качествами при добыче таких таёжных исполинов, как сохатый. От него в очень редких случаях уходил соболь. Чингар легко держал белку, не боялся острых когтей рыси и даже давил росомаху. Тёмными холодными зимними ночами кобель предсказывал появление своего серого дикого собрата – волка, и много раз защищал стадо оленей от его острых клыков.

Вся добытая в этом году пушнина – заслуга Чингара. Шкурки соболей, колонков, белок, горностаев послужат хорошим подспорьем для семьи Загбоя. На покруте<sup>3</sup> русские купцы дадут много продуктов, материала для одежды, топоры, ножи, скребки для выделки шкур, ружьё и провиант уже в этом году, весной. Но что же будет потом, без Чингара? Оставшиеся лайки не обладают и половиной тех качеств, какими обладал кобель. Сколько пушнины добудет Загбой без своего верного друга? Будет ли его семья жить в достатке и благополучии?

Ближе к вечеру по лыжне на берег реки вышел аргиш. Как всегда, в отсутствие главы семьи караван возглавляла Пэкты. За ней на своём учаге<sup>4</sup> ехала Ченка. На остальных оленях продуманно распределено небогатое имущество семьи Загбоя: переносные чумы, потки<sup>5</sup> с продуктами, посуда, одежда, орудия труда, добытая пушнина и много других мелких вещей, необходимых охотникам для кочевой жизни в тайге. Шествие замыкал добрый и отзывчивый Калин.

Вырубая шесты для чумов, дружно застучали топоры. Звериными шкурами покрылись треугольные остовы временных жилищ. Загрелась посуда, зашуршала одежда. Едкий дым окутал излучину реки. Запах приготавливаемой пищи головокружительным ароматом поплыл вверх по реке. Обширное прибрежное займище наполнилось шорохом шагов кормящихся оленей. К размеренному ритму, определяющему присутствие человека, добавлялся нудный голос недовольной Пэкты.

Пэкты – жена Загбоя. Для себя охотник уже давно проклял тот день, когда старый Гухэ променял на неё сорок оленей. Молодая женщина оказалась на редкость глупой, ленивой. Свои обязанности по ведению хозяйства выполняла из рук вон плохо. Загбой прекрасно помнит те времена, когда ему, уставшему за день на охоте, приходилось самому готовить еду, чинить одежду, поддерживать огонь в чуме и обрабатывать добытую пушнину.

По вине Пэкты во время длительного отсутствия мужа в тайге были потеряны тринадцать оленей. Это она поленилась вовремя вытащить из реки сети и привязать лодку, что привело к потере драгоценного имущества в весенний паводок. И, наконец-то, самое главное. Опять же, во время его отсутствия, в морозную зимнюю ночь она не пожелала встать на плач маленькой дочери. Так и не дождавшись материнской ласки, девочка выползла на улицу и замёрзла.

Теперь голос Пэкты, напоминая последние скрипы старой гнилой лиственницы, витал над стойбищем. Сварливая жена была недовольна неудачной охотой мужа. В том, что сохатый утонул в реке, а семья осталась без мяса, винила только Загбоя и не допускала мысли о попустительстве своего любимого старшего сына Хактына. Нагнетая обстановку, она не переставала ворчать до тех пор, пока глава семьи не покинул пределы стоянки.

<sup>3</sup> Меновая торговля.

<sup>4</sup> Верховой олень.

<sup>5</sup> Вьючные мешки.

Чтобы не слышать голоса жены, Загбой надел на ноги лыжи и вышел на реку, к полынье. Младшая дочь, Ченка, сочувствуя отцу, последовала за ним. Они вместе подошли к промоине и долго стояли у воды. Отец рассказал дочери, как всё произошло. Ченка выслушала очень внимательно и искренне пожалела о смерти собаки.

Чингар был любимой собакой девочки. Не один раз она ходила с ним на охоту за белкой, добывала рысь и росомаху. Умный кобель помогал собирать оленей в стадо, не единожды предсказывал появление волков, предупреждал о появлении медведя и однажды защитил её от острых копыт сохатого во время гона. Ченка всегда находила для собаки лакомый кусочек, втайне от родителей делилась с Чингаром печёной лепёшкой, мясом или питательным медвежьим жиром. Нередкими были случаи совместной ночёвки девочки и собаки, когда они где-то на привале делили друг с другом тепло своих тел. И вот Чингара не стало. Для девочки смерть любимого друга стала трагедией, свежей раной на горячем сердце. В глазах Ченки застыла горечь. Пушистые реснички намокли от слезинок.

Сдерживая себя из последних сил, чтобы не заплакать, девочка взяла заледеневшую корочку наста и, не снимая тёплых лосиновых рукавичек, медленными движениями слепила снежок. Какое-то время она без всякой цели перекидывала его с руки на руку, после чего бросила его в воду. От резкого взмаха вместе со снежком с её руки сорвалась и улетела в промоину правая рукавичка.

От неожиданности Ченка вскрикнула, бросилась к воде. Но строгий окрик Загбоя остановил её от неразумного поступка. Она замерла на месте и глазами, полными досады, стала смотреть, как быстрое течение реки уносит её меховую варежку.

Загбой молчал. Так же, как и всегда, он не проронил ни единого слова в укор дочери. Охотник понимал, что все произошло случайно и ругать девочку нельзя. Его вдруг взволновало другое. Лицо наполнилось радостью, а широко открывшиеся глаза засветились искорками восторга. Он видел, что более лёгкая рукавичка плывёт медленнее тяжёлого снежка, на поверхности воды.

– Ча! Пустая калава хуже гнилого пня! Как же я раньше не понял простой истины? – воскликнул Загбой и улыбнулся дочери.

Удивившись его поведению, девочка молча посмотрела на отца. Она ещё не поняла, что он хотел сказать.

А Загбой уже спешил к чумам. Не доходя до берега, он что-то сказал сыновьям. Хактын и Калин засуетились, вооружились таяками<sup>6</sup>, топорами, пальмами<sup>7</sup> и поспешили за отцом.

Вернувшись к полынье, Загбой остановился, ещё раз внимательно осмотрелся вокруг, что-то буркнул себе под нос и, взмахнув рукой, позвал всех за собой вниз по реке. Через определённое расстояние опытный охотник останавливался, ложился на снег, прикладывал ухо к заледеневшей поверхности, прислушиваясь, что происходит подо льдом. После очередного, пятого по счёту, падения он взволнованно улыбнулся, отошёл ещё на несколько метров ниже и показал рукой под свои лыжи:

– Здесь!

Разбивая корку наста, одновременно ударили топоры. Откидывая прочный, надутый снег, замелькали таяки. Хактын и Калин копали снежную яму. Загбой и Ченка убирали комья снега. Прошло немало времени, прежде чем они, углубившись на полутораметровую глубину, достигли поверхности льда.

– Отец, здесь лежит сохатый? – спросила дочь.

Загбой какое-то время молчал, задумчиво посмотрел куда-то на холмистую тайгу и, по всей вероятности, обдумав свои мысли, заговорил:

---

<sup>6</sup> Небольшая деревянная лопатка, предназначенная для постановки капканов.

<sup>7</sup> Длинный, с рукояткой нож для охоты на медведя.



– Да. В этом мире всё взаимосвязано и постоянно. После ночи всегда наступает день, за зимой идёт весна, солнце меняет луну, плохое растворяется в хорошем. Так же и на реке. За глубокой ямой течёт быстрый перекат. За перекатом опять начинаются ямы. Сохатый утонул в головке ямы. Шерсть у зверя пустотелая, он никогда не тонет в воде. Твоя рукавичка подсказала мне, что сохатый проплывёт яму на поверхности воды, подо льдом и застрянет на перекате. Вот и всё.

Братья и сестра выслушали разумную речь отца молча, с нескрываемым восхищением и уважением. А Загбой, как всегда, приятно улыбнулся, приложил свою руку к голове дочери и подбадривающее проговорил:

– А теперь – за работу. Осталось немного. Пробьём лёд, а там увидим, прав я или нет.

Подмытый внешними водами лёд оказался нетолстым. После упорной десятиминутной работы братья добрались до воды. Ледяное окно проруби показало каменистое дно реки. Несмотря на быстрое течение, глубина была сравнительно небольшой. Любой из братьев мог свободно дотянуться обухом топора до круглых, окатанных водой камней. Когда прорубь достигла нескольких метров в диаметре, Загбой приказал сыновьям отбивать лёд сверху, против течения.

Ещё несколько минут усердной, торопливой работы – и в воде намокшим мешком показалась мертвая туша сохатого. Освободившись из тисков ила и льда, подхваченная течением, она вывернулась в прорубь. Вместе с ней, сжав в мёртвой хватке на затылке зверя острые клыки, висел мёртвый Чингар. Преданный кобель, подчиняясь велению охотничьего инстинкта, до последних мгновений жизни выполнял свою обычную работу. В скрюченных, застывших лапах застряла мохнатая рукавичка Ченки.

## Загбой

В его жилах течёт свободолюбивая кровь аборигена, вечного охотника, представителя малых народов Севера. С незапамятных времён его племена кочуют по необъятным просторам тайги от берегов Оби до Охотского моря, заселяют Сибирь от священного Байкала до Северного Ледовитого океана<sup>8</sup>.

Но настоящей родиной эвенков, излюбленной вотчиной, «эпицентром концентрации» всё же является правый приток Енисея и три знаменитые – Верхняя, Нижняя и Подкаменная – Тунгуски. Считается, что в честь этих рек и были названы эти добродушные, отзывчивые на чужое горе люди: тунгусы. А слово эвенк – более позднее, современное название, данное русскими переселенцами в конце девятнадцатого – начале двадцатого веков.

Род Загбоя носит славное имя – племя Длиннохвостой Выдры. Так принято у народов Севера с незапамятных времён – называть себя именами животных, растений, рек, озёр... Эвенки верят, что любое окружающее их творение: дерево, вода, огонь, камни – имеют душу, и поэтому преклоняются перед ними. В знак уважения живой природе просят у своих богов разрешения называться тем или иным именем. На время описываемых событий род Длиннохвостой Выдры находится на пике богатства и процветания, хотя и насчитывает два десятка семей, в которых около ста человек.

Теперь никто не может вспомнить, кто и когда стал первым в роду Длиннохвостой Выдры, с каких времён ведётся летоисчисление и какой была изначальная жизнь кочевого охотника. Тунгус знает только своих богов, которых дали ему в наследство предки. Он поклоняется духам, которым поклонялись его отцы, деды и прадеды. Охотник верит в приметы природы и знамения, которые ещё никогда и нигде не подводили его своими предупреждениями.

Семьи племени Длиннохвостой Выдры аргишат по бескрайним просторам Восточно-Сибирского плоскогорья в поисках мягкого золота. Главное богатство эвенка – олень. Большими и отдельными, семейными, стадами рогатые ороны копытят щедрые плантации ягеля необозримых седых белогорий. Только одна семья Гухэ, в которой родился Загбой, насчитывает семьдесят оленей и считается самой почитаемой семьёй в племени.

Щедрая тайга безвозмездно дарит эвенкам свои дары. В быстрых реках и глубоких озёрах водятся огромные косяки вкусной и питательной рыбы. На марях, гарях и болотах коротают свой век бородатые сохачи. Горные увалы гольцов испещряют сети троп диких сокжоев<sup>9</sup>. Тайга полна следами хозяина тайги – амикана<sup>10</sup>.

Подготавливаясь к долгой студёной зиме, зелёные ельники и коричневые лиственницы заполняют тысячи, сотни тысяч пышнохвостых белок. Зимние переносы крапят стежки шоколадных соболей. Охотнику стоит проявить минимум усилий, сноровки и мастерства, переданных ему с кровью предков, чтобы в достатке и даже некотором разумном изобилии обеспечить себя, свою семью и семьи родственников мясом, рыбой и пушниной.

За бунты белок и шкурки соболей «щедрые» русские купцы рассчитываются мукой, солью, ружьями, порохом, дробью, ножами и многими другими товарами, ставшими необходимыми в повседневной жизни эвенка. Великий род Длиннохвостой Выдры живёт в достатке.

Но счастье и благоденствие не может быть вечным. В непрекращающейся ежедневной борьбе с суровыми климатическими условиями и непредсказуемой постоянной опасностью жизнь кочевника, коренного жителя тайги, не может быть беззаботной и беспечной. Мать-природа периодически неожиданно преподносит свои уроки. Это заставляет детей тайги все-

---

<sup>8</sup> В наши дни отмечен факт поселения эвенков на севере Монголии.

<sup>9</sup> Северный олень.

<sup>10</sup> Медведь.

гда жить в постоянном напряжении, быть готовыми к очередной «подножке», преподносимой судьбой. Это закреплено в сознании охотника с детских лет, с самого рождения и воспринимается как само собой разумеющееся.

В тайге всё просто. Для охотника зверь – добыча. Человек – друг. Так было всегда, это впитывается с молоком матери. Открытая, восприимчивая душа свободолюбивого народа совершенно не подготовлена к обману и коварству.

В ту памятную для Загбоя весну, в пору цветения серебристой вербы, племя Длиннохвостой Выдры собралось на берегу Харюзовой речки. После долгой зимней охоты эвенки готовились к встрече с русскими купцами, обещавшими привезти свой товар в обмен на пушнину. Облюбованный племенем берег реки наполнился шумом голосов, перебранкой собак, хорканьем оленей, звонкими ударами топоров. Пологий склон украсили остроуклинные меховые чумы. По широкой долине реки растворился едкий дым костров.

В ожидании покругу племя находилось на пике восторженного настроения. Наскучавшие за тяжёлую, долгую зиму души людей желали общения друг с другом. Молодые и старые охотники хвалились добытой пушшиной. Женщины – выделанными шкурами. Самые юные, подростки, рассказывали о невероятных приключениях, произошедших с ними в тайге. Девушки надевали праздничные парки, хольмэ<sup>11</sup> и украдкой посматривали на состязавшихся в ловкости, силе и меткости юношей.

В чанах над жаркими кострами варилась жирная оленина. На вертелах жарились туполобые, широкохвостые таймени и сиви. По вечерам при свете беснующихся костров далеко вокруг разносились звонкие песни, прославляющие родную землю. Под удары бубна проходили танцы, в которых показывались сюжеты охоты на того или иного зверя.

Желая заострить на себе всеобщее внимание, кто-то из рассказчиков в танце представлял свою покругу, при этом изображая бесконечно удивлённое, жадное лицо купца, увидавшего бунта белок и чету черноспанных соболей. Иногда в импровизационном танце рассказчика появлялся шатающийся образ человека, принявшего лишнюю дозу «огненной воды». Но в суматохе предстоящего праздника никто не забывал смотреть на водную гладь вскрывшейся ото льда реки, на которой должны были появиться плоскодонные илимки – лодки русских купцов.

Загбой принимал непосредственное участие в происходящих событиях. Все знали, что он считается самым опытным охотником племени, прекрасным следопытом и отличным сторожем оленьего стада рода Длиннохвостой Выдры. Он постоянно кормит племя мясом медведя. Его сети ловят косяки чёрноспанных хариусов. Из его поток в туеса племени для выплаты ясака русскими выбирались самые лучшие аскыры, пышнохвостые белки, огненные лисицы и воронённые выдры. Загбой мог уверенно сказать своё слово старейшины у костра. Его мудрости и опыту преклонялись все уважаемые охотники племени.

В один из вечеров на совете Загбой высказал всё, что накопилось у него в душе за долгий год странствий по Великому сибирскому белогорью. В словах звучала радость об удачном промысле. В его потках лежали три бунта белок (300 штук), три десятка соболей, пять лисиц, три выдры, несколько песцов и две прекрасно выделанные руками Ченки сохатинные шкуры. С такой добычей русские купцы встретят Загбоя с распростёртыми объятиями и дадут ему такого товара, какого пожелает его душа.

Но вместе с этими радостями и удачами охотник не забыл упомянуть о своём горе, произошедшем на реке Катой. Хорошая собака – мечта любого охотника. Это радость, успех, везение, достаток. Потеря Чингара – невосполнимая утрата, о которой сожалели все, включая старого поседевшего Гухэ. Несмотря на это, Загбой продолжал жить будущим, хорошим, светлым и счастливым. И мечтами он делился со своими соплеменниками.

---

<sup>11</sup> Вышитый бисером нагрудник.

А мечтал приобрести очень многое. Кроме необходимых продуктов хотел купить своему младшему сыну Калину ружьё. Ченке – десять мер разноцветного бисера, несколько настоящих железных иголок, нитки, красный платок и бирюзовые бусы, которые он видел в прошлом году на прилавке у купца. Для своей жены Пэкты – тёплую ватную доху и большую костяную трубку для курения. Для старшего сына Хактына – нож, медные монеты, которые они хотели пришить к брачным уздечкам, красивое платье – подарок для будущей невесты и замысловатый крючок – скребок для разбивания костей, который должен был перейти в виде подарка будущему тестю от старшего сына. Однако всем этим простым, понятным, необходимым и по-детски радужным мечтам Загбоя сбыться было не суждено.

В ожидании русских купцов прошло много дней. В глазах тунгусов тускнела радость. Её сменила тревога – тревога бесполезного ожидания и обиды за обман, переживания за пустоту туесков и поняг, в которых не было муки, соли, круп и других необходимых продуктов. Сердца кочевых охотников заполнились тревогой. В молчавших ружьях не было пороха, дробы. В сознание каждого эвенка вкралось раздражение от не состоявшейся покруты.

Нет, никто из знаменитых и отважных охотников племени Длиннохвостой Выдры не боялся голода. Пищи в тайге предостаточно. Но с приходом в мир тайги русских, по прошествии десятилетий общения с цивилизованными людьми, коренные таяжники уже не могли представить свою жизнь без тех вещей, что предлагал русский человек в обмен на пушнину.

Эвены не могли обходиться без того, без чего жили их предки. Они привыкли ко вкусу соли, навсегда запомнили аромат печёных лепёшек, вздрагивали при слове «сахар». Повседневным оружием охотников стали ружья и ножи. Одежду из шкур заменила мягкая цветная материя.

Но особенно на легковосприимчивую душу повлияло действие чая, табака и, конечно же, алкоголя. Попробовав эти «наркотики» единожды, люди тайги мгновенно становились их поклонниками. Вспоминая счастливые минуты после принятия спиртного, они вновь и вновь желали встречи с русскими купцами. И чем чаще было это воспоминание, тем чаще в сознании вспыхивало желание к повторению пережитого состояния. Расслабляющие тело и сознание табак и чай стали повседневными у эвенов.

Коварная зависимость стала привычкой, очень легко опутала своими сетями свободолобивый народ и медленно потащила их с неповторимой культурой и обычаями к гибели.

Когда прошли все сроки ожидания, племя Длиннохвостой Выдры собралось на совет. После долгих обсуждений старейшины решили аргишить в пойму великой сибирской реки – на Енисей, где встреча с русскими купцами была наиболее вероятной. Переход назначили на раннее утро следующего дня. Предстоящая подготовка к аргишу внесла изменения в спокойную жизнь рода. Женщины собирали и упаковывали в потки вещи, мужчины подшивали упряжь, молодёжь разошлась по тайге на поиски оленей. За работой эвенки не сразу заметили появление небольшого каравана своих братьев из рода Когтистого Медведя. Охотники принесли обнадеживающую весть: русские купцы остановились в нескольких днях перехода, внизу по реке. Подняться до назначенного места мешала паводковая вода, ежедневно набиравшая силу и мощь от таявших снегов.

Племя Длиннохвостой Выдры тут же вновь собралось на совет. Старейшины приняли решение кочевать вниз по реке, на покруту с русскими купцами. Однако братья из племени Когтистого Медведя разумно предупредили, что на месте торгога уже собралось очень много охотников с оленями и гнать всё стадо вниз по реке было бы просто неразумно, так как огромное количество животных может вызвать большую путаницу между оленями. Тогда старейшины пересмотрели своё мнение. Было решено оставить стадо на месте, а на покруту с купцами отправить по несколько человек от каждой семьи.

По закону предков племени охранять родовое стадо должен остаться кто-то из сыновей Загбоя. Поддерживать тепло очага в чуме предстояло Пэкте. Это Загбой решил давно, ещё

прошлой осенью. Твёрдое слово главы семьи поставило точку и этим вечером. Загбой приказал остаться на стойбище Хактыну и Пэкте. Он, Калин и Ченка стали собираться в дорогу.

Но хитрая Пэкта разрешила все иначе. Ей, испытавшей все «прелести и вкусы» покруты, очень хотелось попасть на торг. В добавление к приобретаемым продуктам и товару она желала как можно скорее вновь испытать вкус «огненной воды». Втайне от мужа предложила старому Гухэ оставить Загбоя сторожить оленей.

Несмотря на лень, Пэкта была хитрой, и это помогало женщине находить всяческие предлоги уклонения от работы. Она давно выучила характеры людей своего рода и уговорить старейшину ей не составило особого труда. Пэкта расхваливала положительные качества мужа как опытного охотника и пастуха, который за всю свою жизнь ещё не потерял ни одного оленя из стада племени. Этот убедительный довод был весомым. Недолго думая, Гухэ приказал Загбою остаться на стойбище пасти оленей, а Пэкте и сынам представлять семью на покруте с русскими купцами.

Загбой не осмелился послушаться своего отца. Затаив обиду на жену, он молча увязал потки с пушниной на спины учагов Пэкты. Ченка безропотно разделила его участь.

Возвращение родных с покруты Загбой ждал очень долго. Прошли все сроки ожидания, а он с утра до вечера смотрел вдаль, на излучину реки, куда ушёл караван оленей. Напрасно охотник вглядывался в размытые паводком берега в надежде увидеть появление родного аргиша с потками, полными продуктов и провианта. Иногда ему казалось, что видит вдалеке серые точки медленно бредущих оленей. Однако вскоре оказывалось, что это всего лишь плывущее по реке бревно или беснующаяся под напором воды волна.

Загбой злился. Он прекрасно понимал, почему Пэкта и сыновья не возвращаются к родному чуму. Закрыв глаза, охотник видел свою жену пьяной, валяющейся у костра в грязи и золе. Рядом, оскалив зубы, дрались сыновья. Неподальёку валялись разбросанные потки с товаром. Ещё он видел чужих собак, растаскивающих эти товары и продукты. Картина была удручающей.

В один из торгов с ним произошло то же самое. Разгневанный Загбой вскакивал на ноги, кому-то грозил кулаками и порывался броситься вдоль реки. Его переполняло страстное желание как можно быстрее достичь места покруты и вырвать с корнями разлохматившиеся косы пьяной жены. Но приказ Гухэ пасти оленей, как удар рогатины между лопаток, охлаждал пыл разгорячённого мужа. Загбой не мог послушаться своего отца. Слово отца – священно. За непослушание старшему Загбою грозил суд старейшин.

На десятый день ожидания грозный муж и глава семьи не выдержал и отправил за непослушными сыновьями и своенравной женой дочь. После долгих уговоров и просьб Ченка наконец-то привезла и пьяную, неконтролируемую в поступках мать и передравшихся от избытка разгорячённых чувств братьев.

Загбой был намного умнее и мудрее Пэкты. Он не стал вымещать зло на пьяную жену в тот же час, а решил провести нравоучение утром. Ему было очень интересно выслушать речи о чудесах, произошедших на покруте.

А пьяная троица наперебой восторженно пыталась высказать свои впечатления о каком-то русском шамане по имени Михаил, который был одет в длиннополую парку и носил на своей груди большой красно-зелёный крест. После принятия спиртного, контролируя состояние эвенков, шаман Михаил собрал всех охотников и стал говорить о русском Боге. Он то понижал голос, то повышал и грозил всевозможными небесными карами, уговаривая эвенков принять русского Бога.

У шамана Михаила не было в руках бубна. Он не носил амулет из зубов рыси, росوماхи и медведя. Он не был одет в шкуры неведомых животных. Но Пэкта боялась его грозного голоса, длиннополой, развевающейся при ходьбе парки. Она боялась креста, которым тот махал во время своих проповедей. Пэкта боялась небесных кар и угроз, сыпавшихся из уст странного

шамана. Вместе с Пэктой боялись все эвенки. Все падали на колени и бились головами о землю перед распятием, как велел того шаман Михаил. Чтобы задобрить гнев русского Бога, тунгусы давали ему пушнину. Пэкта давала тоже. Она отдала шаману пять соболей Загбоя. Тех, самых лучших из тридцати, за что Загбой хотел взять у русских купцов ружьё сыну.

Шаман Михаил сам выбирал их из потки Загбоя и сказал, что русский Бог останется доволен Загбоем и пошлёт ему удачу и благополучие. Он стал ласковым и три раза погладил Пэктю по голове. Он даже назвал Пэктю сестрой и дал ей поцеловать русского Бога. Русский Бог был нарисован на доске разноцветными красками и смотрел на Пэктю внимательно и строго. Все эвенки целовали русского Бога много раз. За это шаман Михаил обещал просить у Бога много удачи для всех охотников.

Загбой был очень удивлён рассказом пьяной жены и сыновей. У него, как и у всех охотников племени Длиннохвостой Выдры, было много богов. Он знал бога огня и удачи, верил в бога земли, воды, тайги. У его богов были верные послушники – духи, которые исполняли их волю и приносили людям либо благоденствие, либо горе. Эта вера жила в душе Загбоя с младенческих лет и была придумана не им и даже не предками, жившими в этих краях много веков назад, а тяжёлой кочевой жизнью и Его Величеством Временем.

Каждый дух имел свой образ. Перед каждым необъяснимым явлением природы Загбой обращался к тому или иному духу с просьбой и благодарил его за что-то. Но сегодня, после шокирующего рассказа Пэкты, он никак не мог понять, как можно просить благополучия, удачи или благодарить за все только одного бога? Как может Бог русских один перевоплощаться во все образы духов и действовать за всех одним лицом и отвечать за всех?

Но самое главное, Загбой не мог себе представить, как можно предать своих богов и духов, которые из поколения в поколение несли тунгусам веру, надежду, удачу, благополучие и, самое главное, – продолжение рода, жизни?

Он спрашивал сам себя и не находил ответа на собственные вопросы. Добиться чего-то вразумительного от Пэкты ему не удалось. Тогда он обратился к всемогущему покровителю и благодетелю – духу Огня. Так было всегда, когда ему было тяжело или просто требовалась чья-то помощь. Загбой бросал в костёр лучшие кусочки мяса и жира, задабривал всемогущего покровителя. Если костёр был благосклонен к человеку, он начинал говорить. Огонь всегда подсказывал охотнику правильные шаги в дальнейшей жизни, предупреждал о возможной опасности и радовался успехам и удачам.

Но в эту ночь Огонь не хотел разговаривать с Загбоем. Более того, его поведение было непонятным и непредсказуемым. Принимая кусочки жира, он сердито трещал и шипел. От самых сухих поленьев летели снопы искр. А пламя Огня, как будто предвещающая беду, горело не ярко-красным цветом, как это было всегда, а голубым и даже зелёным.

Очень скоро Загбой понял причину поведения своего могущественного друга. Это произошло рано утром, когда разлохматившиеся тучи разорвал первый луч солнца. Из чума выбежал Хактын и с топором в руках бросился на отца. Его глаза были безумны. Лицо искажилось в страшных судорогах. На губах выступила пена. Загбой едва увернулся от занесённого над головой оружия и с большим трудом придавил сына к земле. Тот рвался, бессвязно грозил возмездием.

Пришлось связать Хактыну руки и ноги крепкими сыромятными ремнями. Отец понимал, что у сына всего лишь приступ агрессии. Однако было непонятно, чем было вызвано такое поведение юноши: либо последствиями продолжительного пьянства, либо какой-то непонятной болезнью.

А из чума слышались тяжёлые стоны. Младшего сына лихорадило. Несмотря на то, что он лежал в тёплом меховом спальнике, просил накрыть его оленьими шкурами. У Пэкты покраснели глаза. Её движения сделались медленными и неуверенными. Больная женщина говорила, что её тело заполонила суровая зима, которая леденит сердце морозом и ломает кости.

В голове Загбоя замелькали воспоминания далёкого детства. Страшная догадка парализовала сознание. Отбрасывая ее прочь, всё ещё на что-то надеясь и сомневаясь, он пытался успокоиться и успокоить ничего не понимающую, плачущую Ченку. Предчувствуя самое худшее, он постарался оградить дочь от близкого общения с матерью и братьями и приказал собрать все вещи, которых ещё не касались руки больных, и перенести их подальше в сторону. А сам, взяв в руки топор, принялся рубить новые шесты для отдельного чума. Когда новое жильё было готово, он закрыл под пологом шкур дочь, а сам постарался хоть чем-то помочь жене и сыновьям, чью плоть захватила в тиски смерть.

Долго, очень долго Загбой сидел над скованными в судорогах телами близких и дорогих ему людей, выпрашивая знакомыми ему заклинаниями и молитвами помощи у всемогущих духов. Густой и едкий дым костра заполонил жилище кочевника. Пар от кипящей в казане воды омывал пожелтевшие лица больных. Но все старания и попытки лечения были тщетны, бесполезны.

Едва нахмурившееся солнце коснулось линии горизонта, в страшных, спазматических муках умер Хактын. К этому времени беспощадная лихорадка захватила Пэкту и младшего сына. Загбой уже понял, что последует за этим. Понял потому, что в его памяти жили страшные воспоминания детства, когда от эпидемии чумы вымерла половина рода Длиннохвостой Выдры. Загбой чувствовал, что трагедии не избежать. И знал, что теперь ему предстоит сделать.

Когда он наконец-то покинул своды чума, то увидел, что на стойбище творится невообразимый хаос. Из соседних чумов слышалась тяжёлая перебранка дравшихся соплеменников. Кто-то в безумии резал ножом оленей. Неожиданно неподалёку раздался резкий выстрел, породивший жалобный предсмертный визг собаки.

Больше не задерживаясь ни на минуту, Загбой быстро поймал семь своих оленей, завьючил их потками с вещами из нового чума и приготовился в дорогу. Он не стал брать с собой продукты, провиант, что выменяла Пэкта у русских купцов на покруте. Охотник бросил парки, спальные мешки, шкуры оленей, посуду и оружие, чем уже пользовались после приезда от русских жена и больные сыновья. Собираясь в дорогу, Загбой видел, что, следуя его примеру, в путь собираются другие, ещё не заразившиеся чумой семьи из его племени.

Стараясь не допустить ещё одной беды, охотник не подпускал Ченку к чуму, в котором стонала и бредила обречённая Пэкта. Он посадил дочь на спину ведомого учага и, не оглядываясь, погнал свой маленький караван в сгущающиеся сумерки подступающей ночи. Какое-то время, не понимая происходящего, девочка молча смотрела назад.

Она ждала, что вот кто-то из братьев тоже начнёт собирать оленей, увязывать разбросанные около чума вещи в потки и так же, как и они, последует в дорогу за ними. Но из чума никто не выходил. Она так и не увидела хорошо знакомого силуэта матери, до этого всегда провожавшей отъезжающих. Всё дальше и дальше высокие шесты закопчённых чумов. Всё тише и тише стоны умирающих. Вот где-то там, позади, тяжело, заунывно завывла собака. Её голосу вторила другая. И только когда за идущим аргишем захлопнулась плотная стена тайги, Ченка вдруг поняла всё. Она поняла, что больше никогда не увидит улыбающееся лицо Пэкты, не почувствует тёплого прикосновения рук братьев, не услышит родного голоса близких ей людей, поющих простые и понятные доброму сердцу песни.

Раненой птицей девочка соскочила на землю и, не контролируя своих действий, захлёбываясь горькими слезами, побежала назад. Загбой догнал её, схватил трепещущее тело в крепкие объятия, постарался успокоить дочь. Но Ченка, не слушая его слов, пыталась вырваться к матери, когда-то подарившей ей жизнь. Тогда отец пошёл на крайние меры. Он просто спутал руки и ноги девочки маутом, привязал её к седлу учага и погнал караван прочь.

В ту страшную памятную ночь опытный охотник сделал большой переход. Он гнал аргиш на восток до самого рассвета. Торопливо идущий караван преодолел огромную, болотистую долину Ирчиль, и только лишь тогда, когда уставшие олени в изнеможении достигли туманного

берега озера Сумнэ, он остановился. Загбой знал, что в случае, если Пэкта или старший сын останутся в живых, они очень скоро найдут их новый чум по следам.

Загбой ждал день, два, неделю... В томительном неведении медленно протекали серые, мрачные будни. Когда бледнолицая луна сменила три наряда, он наконец-то понял, что все ожидания напрасны. Их никто не догнал. К ним никто не пришёл. Потому что там все умерли...

Всё это время Ченка тихо плакала. Глазами, полными слёз, девочка безотрывно смотрела туда, откуда они пришли, в сторону Харюзовой речки. Но напрасно слух ловил ласковый разговор тайги, пытаясь различить в знакомых звуках торопливую поступь оленьих копыт, резкое понукание идущих животных. Зря пытливый, острый взор чёрных глаз старался различить в голубой дали знакомые точки идущего аргиша. В естественных запахах благоухающего марева отсутствовали запахи терпкого дыма, разгорячённых тел, взмыленных учагов и важенков и до боли знакомого дурмана, пропитанного трубкой курящей матери. Родные и близкие сердцу люди канули в вечность.

В отличие от дочери Загбой перенёс трагедию более сдержанно. Замкнувшись в себе, он днями и ночами просиживал у костра. В душе охотника была скорбь. Сердце сжалось в камень. Разум очерствел от тяжёлых мыслей. Он спрашивал у Огня ответы на свои неразрешимые вопросы. Но в эти дни Огонь не хотел разговаривать с ним. Тогда эвенк обращался с мольбами к другим духам. Он не понимал, чем мог прогневать Харги? Разве не он отдавал дань почтения в своих заклинаниях злему духу тайги? Почему Харги не принял те лакомые кусочки печени сокжоя и самых лучших соболей, оставленных им на Хачурском перевале в знак уважения и признания? Загбой корил себя за то, что не смог выполнить культовый ритуал по отношению к жене и сыновьям, хотя понимал, что ничего не мог сделать в той ситуации.

В сознании тунгусов смерть воспринимается как естественное явление. Вера в загробную жизнь помогает более легко переносить потерю родных и близких. Охотник верил, что, умирая, человек уходит в страну Вечной охоты, куда когда-то ушли его предки и куда в своё время уйдёт он сам. Вопрос был в другом: как и с чем уйти в иной мир, в страну Вечной охоты?

Согласно культовому обряду своего народа человек должен быть похоронен высоко от земли, на лабазе, в кедровой или лиственничной колоде, с необходимыми вещами, без которых ему нельзя обойтись в ином мире. К таким вещам относится личное оружие охотника, посуда, небольшое количество еды, повседневная одежда. Загбой винил себя за то, что не мог отправить в последний путь Пэкту и сыновей согласно старой доброй традиции. Более того, его мучила совесть за то, что он бросил их тела на произвол судьбы. Много раз охотник задавал себе один и тот же вопрос: как будут жить жена и сыновья в стране Вечной охоты, если их плоть изъедена мышами, а дух не нашёл пристанища на стволах многовековых деревьев?

Он снова и снова спрашивал об этом у своего верного друга Огня, но тот по-прежнему не давал ответа. Его молчание Загбой воспринимал как доказательство своей вины, и от этого становилось ещё тяжелее. Чувствуя всю горечь положения, охотник не единожды принимал решение повернуть свой след назад, но всякий раз от этого поступка его удерживал трезвый разум, подсказывавший о правильности выбранного решения. Он должен жить! Не для себя, а ради продолжения жизни Ченки! Жить ради той, кто в этом мире должна продолжить его род! Жить ради будущего поколения! Жить ради жизни на этой земле! И Загбой подчинился решению.

Однажды утром, как будто очнувшись от глубокого, беспробудного сна, он вернулся к настоящей, текущей жизни, с её повседневными заботами и проблемами. Загбой собрал оставшихся оленей, завьючил на спины животных имевшийся скарб, с виноватой улыбкой посадил на спину учага любимую дочь и, подталкиваемый вечным зовом странствий, вновь повёл маленький караван по бескрайним просторам северной тайги. Настоящим желанием кочевого охотника стало намерение забыть, запрятать подальше боль невосполнимой потери.



Он помнил мудрую пословицу, что самый лучший доктор – время! С его размеренным течением забываются и заживают самые глубокие раны. Жизнь продолжает свой бег, и в этом движении утихает боль утрат, какими бы тяжелыми они ни были.

Однако ни повседневные заботы, ни постоянная борьба за выживание, ни дальние переходы не смогли утихомирить боль, что кровавым рубцом разрежала сердце Загбой. Он постоянно жил с ощущением какой-то пустоты. Иногда казалось, что вот из чума выйдет Пэкта и начнёт ворчать. Острый слух охотника приносил звонкий всплеск весла. Приподнимая голову, он долго смотрел на воду, ожидая появления лодки, в которой Хактын вёз богатый улов рыбы. Он видел, как качаются ветви густого пихтача, готовые отпустить из своих объятий Калина с его гордой походкой, ведущего в поводу рогатого учага, нагруженного мясом добытого сохатого. Но проходили минуты, и словно клыки медведя-шатун разрывали сладкое представление, превращая его в глубокую рану. Из берестяного чума выходила Ченка, а не Пэкта. Тишину речной заводи нарушали всплески кормящихся сегов. Суровый северный ветер играл мохнатыми лапами угрюмой тайги, не желающей выпускать из своих цепких объятий сына.

В осеннюю пору золотого листопада Загбой вдруг поймал себя на мысли, что всё лето, сколько бы он ни кочевал по тайге, его след постоянно приводил его к озеру Сумнэ, где он когда-то ждал свою семью. Он уводил свой маленький караван на север, но через неделю вновь возвращался на прежнее место с востока. Тогда охотник направлял ведомого учага на заход солнца, но инстинкт снова приводил его к знакомым перевалам с южной стороны. А однажды, в одну из тёмных ночей, у костра он услышал голос Огня, который разрешил ему посетить берега Харюзовой речки.

Он выбрал самый непогожий, пасмурный, неприветливый день. На Сумнэ с севера угрожающе наплывали тяжёлые свинцовые тучи. На тёплую землю падали и тут же таяли редкие хлопья мокрого снега. Где-то на востоке сквозь непроглядную муть едва пробивалось блеклое пятно осеннего солнца.

Загбой поймал учага, собрал в кожаную потку небольшой запас продуктов, привычно забросил за спину ружьё, сел на спину оленя и, даже не попрощавшись с дочерью, быстро растворился в тайге. Его поездка казалась обычной и понятной. Предстоял сезон охоты, и для удачного промысла надо было найти кормовую базу белки. Ещё с вечера он говорил об этом с дочерью и, казалось, что убедил её в своём намерении.

Однако по неуверенному голосу отца, блуждающему взгляду Ченка поняла, что в словах кроется ложь. Непонятным внутренним чувством девочка разгадала его намерения. Утром она уже знала, куда поедет отец. В её взгляде горела искорка надежды, что он возьмёт её с собой. А Загбой, стараясь обмануть дочь, направил оленя в сторону противоположную берегам Харюзовой речки. И только лишь отдалившись на некоторое расстояние, повернул налево, далеко объехал стойбище и поторопил учага навстречу в нужном направлении.

То, что он увидел там, на знакомом берегу, превзошло все его представления. Охотника встретило мёртвое стойбище. Так же, как когда-то, на пологом склоне у реки теснились острые чумы. Около них в беспорядке валялись разбросанные вещи эвенков. По первому впечатлению казалось, что племя Длиннохвостой Выдры торопливо собирается в далёкий аргиш. Но... истлевшие потки, поняги, спальники, кем-то разорванные и наполовину съеденные шкуры, ржавые топоры, пальмы, ружья, отсутствие продуктов говорили о другом и дали опытному охотнику пищу для размышления. Неприветливая, пугающая тишина словно сковывала сознание. Таёжный воздух давно растворил дым былых костров. Летние дожди размыли пепел и золу в очагах и кострищах. Всё указывало на то, что человеческий дух очень давно покинул некогда родное стойбище.

В немом оцепенении, сковавшем горячее сердце словно льдом, он смотрел на пустые чумы в слабой надежде увидеть кого-то в живых. Сознание было парализовано. В какое-то мгновение он увидел то, что полностью дорисовывало картину трагедии. Вначале просто не

поверил глазам, не мог осознать, что он видит и что наводит на него страх. И только тогда, когда нога оленя случайно наступила на то, что не желал воспринимать его разум, он вдруг понял весь ужас происшедшего несколько месяцев назад.

То, на что наступила нога его учага, оказалось головой человека. Вернее, это был добела обглоданный череп. От несильного толчка он прокатился несколько метров и ударился обо что-то белое и длинное и остановился. Загбой присмотрелся внимательно и увидел, что едет по костям. Они были всюду: на полянах у чумов, на берегу у реки, в кустах, под деревьями. Кости рук, ног, позвоночника, черепа. Растерзанные, обглоданные трупы людей. Целые и разорванные на части. Перед ним предстала картина невозможного. Ему показалось, будто какой-то злой, страшный, дикий и ненасытный зверь только что окончил своё пиршество и сейчас находится на отдыхе.

Загбой медленно подъехал к своему чуму. Неподалёку от мёртвого жилища, у прибрежной полосы реки лежал растерзанный и полностью обглоданный скелет человека. По обрывкам одежды, по волосам и отсутствию двух зубов на верхней челюсти он узнал Хактына. Загбой вспомнил, что два передних зуба сын потерял тогда, когда однажды, поспорив с Калином, попытался раскусить свинцовую, с железным сердечником пулю. Это было давно и недавно. Всего лишь год назад, прошлой осенью.

Он спрыгнул с оленя на землю. Подошёл к порогу чума, посмотрел в распахнутую черноту. Там, в невероятных позах, скрюченные, лежали останки Пэкты и Калина. Не зная что предпринять в следующее мгновение, он стоял у порога своего жилища не в силах сделать очередной шаг. От нервного напряжения тело Загбоя лихорадило мелкой дрожью. Страх приглушил все органы восприятия. Никогда ещё в своей жизни ему не было так страшно.

Его настоящим, единственным желанием было стремление как можно быстрее покинуть царство смерти и больше никогда не возвращаться на берега Харюзовой речки. Однако где-то там, в глубине души, всё ещё теплилась отрезвляющая мысль – искупления запоздалой вины перед усопшими. Голос предков, как клекот древнего ворона на вершине сухой лиственницы, призывал к исполнению культового обряда, обязывая его захоронить останки родных людей. Этот безмолвный глас, подчиняющийся закону предков, был так силен, что он тут же, не задумываясь, приступил к работе.

Прежде всего он сорвал с шестов оленьи шкуры и уложил в них останки Пэкты и сыновей. Укладывая на меховое покрывало скелет Калина, Загбой спросил себя: кто мог таким образом – неповторимо и своеобразно – съесть мёртвую плоть?

В тайге много хищных зверей. Полакомиться мертвечиной мог любой плотоядный представитель таёжных просторов. Сюда, на безжизненное стойбище, могли прийти медведь, волк, росомаха, соболь, колонок, горностаи, вездесущие мыши и полноправный санитар природы – чёрный ворон. После непродолжительного осмотра костей охотник понял, что никого из диких зверей на стойбище не было. Исключением могли быть только вороны, которые в настоящий момент сидели на почтительном расстоянии от него на вершинах деревьев и молча смотрели, ожидая его дальнейших действий. Всюду, куда ни падал внимательный, пытливый взор эвенка, были только следы собак. Ещё какое-то время он смотрел на круглые «печати», оставленные четвероногими друзьями человека. И вдруг его взорвавшийся разум нашёл объясняющий ответ.

Загбой испуганно посмотрел по сторонам. Его предположения тут же подтвердились. Из-за соседних чумов, из тальниковых, прибрежных зарослей за ним наблюдали злобные глаза собак. Загбой понял, что некогда верные и преданные, они за несколько месяцев, проведённых без человека, одичали и стали опасными. Он помнил случаи, когда брошенные на произвол судьбы собаки, через какое-то время сбившиеся в стаю, нападали на оленей эвенков, подобно волкам, валили их на землю и съедали заживо.

Да, тогда они походили на своих собратьев – серых разбойников. Только вот по сравнению с волками они были умнее и хитрее, потому что в совершенстве знали как характер человека, так и привычки одомашненных оленей. А если учесть то обстоятельство, что выючные животные не боятся собак, то можно без сомнения предположить, куда делось огромное стадо оленей племени Длиннохвостой Выдры. Может быть, растерзаны и съедены были только лишь единицы, а остальные под страхом смерти разбежались по тайге и примкнули к «дикарям»<sup>12</sup>.

Загбой не знал, не помнил случая нападения собак на человека. Однако многочисленные следы доказывали, что это они съели своих хозяев. И пусть ко времени пиршества последние уже были мертвы, это не оправдывало их. Что можно думать о собаке, если она попробовала мясо человека? Можно ли дать гарантию, что одичавшие животные не набросятся на живого друга? От этой мысли у Загбоя по спине побежали мурашки.

Если бы кто-то когда-то рассказал ему о том, что он увидел сейчас своими глазами, он отнёсся бы к словам очевидца с недоверием. Но нельзя отрицать того, что видишь сам. Реальность существует. И она предсказывала самое худшее, что только можно было предположить. Собаки медленно, как по незримой и молчаливой команде, начали своё наступление.

Как полчища кровжадного гнуса, атакующего беззащитное тело сохатого, как вездесущие муравьи, защищающие свой муравейник, собаки появлялись отовсюду. Одичавшие, голодные псы выползали из чумов, выпрыгивали из прибрежных зарослей ольхи, выходили из густого ельника, чёрной стеной разросшегося на пригорке за мёртвым стойбищем. Их было много. Десять, двадцать, пятьдесят или даже сто. До этой минуты Загбой не мог предположить, что в племени так много собак. Он просто никогда не видел их всех вместе.

Они бежали небольшими группами, сливаясь в одну большую стаю. По их передвижению охотник понял, что они устремились за добычей. Пытаясь их остановить, Загбой резко крикнул. Подобная команда всегда действовала отрезвляюще на верных помощников человека. На слова «Стой!», «Нельзя», «Назад» любая из них всегда подчинялась голосу своего хозяина.

На краткий миг волна пёстрых тел приостановила передвижение. Собаки приподняли свои оскаленные озлобленные головы, в недоумении посмотрели на человека, но через секунду, подчинившись всеобщему рефлексу стаи, побежали ещё быстрее.

Расстояние между живой лавиной и охотником ежесекундно неумолимо сокращалось. Когда псы подбежали на расстояние выстрела, Загбой быстро сорвал со спины ружье и, даже не прицелившись, выстрелил в волну лохматых тел. Одна из собак завизжала, закрутилась на месте, упала на землю и забилась в предсмертной агонии. Но и это не произвело должного эффекта на остальных. Даже не взглянув на нее, стая продолжала движение. Чувство голода притупило страх перед человеком. Обезумевшие животные, увидев добычу, не могли остановиться.

Загбой чувствовал приближение катастрофы. Его одноствольное шомпольное ружье молчало. Для того чтобы его зарядить, охотнику требовалось некоторое время, которого у него не было. Может быть, чувствуя это, собаки побежали быстрее.

Понимая, что сейчас может произойти, обречённый охотник быстро осмотрелся. Загбой знал, что безвыходных ситуаций не бывает. Всегда есть лазейка, через которую можно выбраться. Тем более что сейчас на «край пропасти» была поставлена его собственная жизнь.

Рядом не было деревьев, которые могли бы спасти его своей недостижимой высотой. Он не допускал мысли о бегстве, так как прекрасно знал, что собаки догонят его через десять метров. Его не мог спасти олень, который, всё ещё не понимая, что происходит, послушно стоял далеко в стороне на краю поляны. И мысль собственного спасения пришла неожиданно и внезапно.

---

<sup>12</sup> Дикий таёжный олень.

Вода! Это была река, до которой было всего лишь несколько шагов. Но броситься в воду – смерть. Загбой не умеет плавать! Он понял, что ему предстоит схватка с собаками. Схватка, в которой, возможно, не будет победителя.

Он отбросил ружьё в сторону: теперь оно не нужно. В настоящий момент для защиты был необходим нож, а ещё лучше – топор или пальма. И Загбой нашёл то, что ему было надо. Это был топор Хактына. Тот самый топор, которым обезумевший сын когда-то хотел убить отца. Топор валялся неподалёку, рядом с останками своего хозяина. А тогда, в тот страшный роковой день, охотник побоялся взять его в руки, потому что он был в руках больного сына. Теперь у него не оставалось выбора, так как это было единственное оружие, которое могло спасти ему жизнь.

Загбой схватил топор и с проворством хищного аскыра забежал в реку. Когда уровень воды достиг его груди, он остановился, поднял над головой грозное оружие и приготовился к защите.

Но собаки, казалось, и не думали нападать на охотника. Лишь некоторые из них подбежали к берегу и стали обнюхивать следы. С удивлением и нескрываемым недоверием рассматривая человека, они замерли на месте. Следы на берегу говорили о том, что в воде их хозяин, властелин, друг и, наконец, бог. Это испугало собак. Некоторые из них, вспомнив знакомую речь, робко замахали хвостами, но многие всё же приняли угрожающую позу.

А там, на краю поляны, основная масса уже окружила оленя. Злые, голодные собаки готовились к расправе над животным. Ситуация обострялась тем, что учай не понимал, что его ждёт смерть. На окруживших его псов он смотрел как на пустое место, потому что в жизни привык видеть их всегда рядом. Собаки не предвещали угрозы. Никогда ещё клыки псов не касались его тела, а угрожающий рык предупреждал, защищал. Олень привык видеть собаку ежедневно, постоянно, воспринимал её как обычное, естественное и даже необходимое животное и никогда не видел в ней врага.

Сейчас собаки думали иначе. Их разум затмила неукротимая злоба, которая была вызвана жестоким голодом. С потерей своих хозяев они стали неконтролируемы в своих действиях. В поисках пищи съели мёртвых людей, а затем обратили внимание на оленей. Убив однажды одного из них, они привыкли видеть в этом животном средство для продолжения своего существования.

Последние мгновения перед броском были самыми ответственными. Тела собак напряглись взведённым черканом. Глаза налились кровью. Стремление и воля были направлены в едином намерении – убить. Каждая из них ждала только одного – сигнала к нападению. Самая молодая, горячая лайка, подстёгиваемая диким голодом, бросилась оленю на шею. Захлёбываясь в собственной ярости, вцепилась в добычу оскаленной пастью, но, к своему негодованию, захватила зубами только шерсть.

Кто хоть раз когда-то видел оленя в осеннем брачном наряде, тот знает, какую красивую, шикарную шубу носит одомашненный зверь в эту пору. Длинный, пустотелый волос на шее, порой достигающий двадцати сантиметров в длину, своей массой и плотностью в некотором сравнении чем-то напоминает гриву царя зверей – льва. А значит, что не всякому мелкому и даже среднему хищному зверю, в том числе и собаке, с одного захвата удастся добраться до жизненно важных артерий на шее этого животного. Однако в противоположность своей красоте и привлекательности волос имеет непрочную, ломкую основу, почему под воздействием некоторых усилий довольно легко отрывается от шкуры.

Так произошло и в этом случае. Молодая, неопытная лайка захватила своей пастью только шерсть. От сильного, резкого рывка и тяжести тела собаки волосы оторвались от шкуры. С набитой шерстью пастью она упала на спину под ноги оленю.

Это нападение оказалось решающим. Следуя ее примеру, со всех сторон на оленя налетела разномастная масса собачьих тел. Подобно снежной лавине, они мгновенно облепили обречённого учага. Переполняемые звериным инстинктом, стали заживо рвать добычу.

Какое-то время учаг не мог понять, что с ним происходит. Он нервно вздрагивал телом от колких, болезненных укусов и тупо, с невероятным удивлением смотрел на своих палачей. Олень даже не пытался защитить свою жизнь. Происходящее казалась ему пустой забавой или игрой, что когда-то происходила с ним и молодыми щенками в далёком детстве.

Учаг крутил рогатой головой, дёргал ногами и пытался сбросить с себя собак, как назойливых оводов. Со стороны вся эта свалка походила на робкий протест молодого пыжика-оленька, попавшего в объятия полчища гнуса. Но вот самый здоровый, матёрый, зверовой кобель скрутил своим телом «юлу», порвал учагу шкуру на животе.

Олень глухо взревел от боли, глубоко охнул, закрутился на месте. Пытаясь отогнать от себя собак, стал взлягивать копытами. Это ему плохо удавалось, так как некоторые из них были опытными: предусмотрительно следили за движениями учага, вовремя отскакивали от мелькающих ног в сторону и тут же стремительно нападали вновь.

Тогда обречённый зверь стал делать резкие выпады. Но необходимое время для защиты было упущено. Собаки уже разрывали вывалившиеся из брюшины кишки. Кто-то из самых напористых, смелых кобелей вскочил на спину и стал терзать шею жертвы. Из разорванной артерии фонтаном хлынула кровь.

От ужаса происходящего и нестерпимой боли учаг бросился бежать. Но эта попытка только осложнила ситуацию. Собаки рвали его на бегу. Вывалившиеся из живота внутренности, цепляясь за кочки и кусты, волочились по земле, замедляя передвижение. Теперь, уже не опасаясь сильных копыт, с десятков собак вскочили животному на спину. Масса насевших тел давила его к земле.

На спасительное, но безрезультатное бегство обречённому оленю хватило сил только лишь на сотню метров. У границы тайги он остановился, зашатался и, не в силах больше сдерживать тяжесть навалившихся тел, медленно упал на землю. Голодная, безумствующая толпа разъярённых псов накрыла поверженного зверя. Ещё несколько раз, как будто прощаясь с жизнью, его рогатая голова приподнималась над торжествующими палачами. Из глаз, переполненных болью и ужасом, текли большие прозрачные дождевики слез. Спазмы безысходности вырывались из краплёного кровью рта. Наполовину растерзанный, но ещё живой олень умирал страшной, мучительной смертью.

Загбой в негодовании смотрел на жестокую расправу собак над своим учагом. В его возмущённом сознании боролись два противоречивых чувства. Одно из них приказывало броситься на помощь к оленю. Второе, как всегда, более разумное, предупреждало об опасности и предсказывало, что во время кровавой оргии собаки не посчитаются с человеком и воспримут своего бога как не более чем просто добычу. Последнее чувство было сильнее и вскоре оправдало себя.

Собак было много. Не всем хватило места у поверженного оленя. Право первоочередного насыщения – точно так же, как в львиных прайдах или волчьих стаях, досталось самым сильным и крупным кобелям. Слабые были тут же отогнаны на приличное расстояние от добычи. От голода, видимой пищи, запахов парного мяса и смачного чавканья сильных сородичей изгнанники находились на высшем пике злости, которая тут же вылилась в кровавую драку. Псы слились в один пёстрый, неразрывный клубок. Кто-то из слабых оказался ещё слабее. Чьё-то тело уже рвали и терзали свои же братья и сёстры. От мысли оказаться в этом хаосе смерти тело Загбоя сковал леденящий ужас.

Но если судьба оленя уже была разрешена, то жизнь охотника находилась в подвешенном состоянии. Он стоял в холодной осенней воде, которая только ухудшала его положение. Он начал замерзать. Ему казалось, что его ноги одновременно кусают тысячи болезненных жал

кровососущих паутов. Поясницу и живот тянуло и разрывало кожаным жгутом. Всё это он почувствовал только сейчас, когда вдруг вернулся в реальность.

Не в силах больше терпеть холод, он хотел выскочить на берег, но взбешённые собаки, те, кому не досталось пищи, быстро заволокли песчаную отмель и с нескрываемым алчным интересом стали смотреть на очередную жертву.

В голове Загбоя мелькнула мысль всё же попробовать переплыть на противоположный берег реки. Но в этом месте Харюзовая речка была широка, глубока и быстра. Учитывая своё настоящее состояние, охотник понял, что добраться до спасительной суши ему не хватит сил. И ничего не оставалось, как пробивать себе дорогу на берег, вперёд, где его ждали оскаленные пасти собак.

Раскрепощая тело, Загбой скинул с себя намокшую парку. Пробуя удар, несколько раз взмахнул топором над головой и сделал шаг навстречу. Он видел, как в глазах псов загорелись искорки злобы, как напряглись их худые тела, как вздыбилась на загривках шерсть. Понял, что его враги только и ждут момента, когда можно будет броситься на человека.

Но и в этот раз всемогущие духи были благосклонны к сохранению жизни Загбоя. Как только вода отпустила его из своих объятий, с противоположной стороны стойбища, откуда он приехал, вдруг послышался неожиданный шум. В глубине тайги глухо затопали быстрые шаги бегущего зверя.

Под натиском грузного тела затрещали сучки, в которое добавлялось шумное, учащённое дыхание. В то же мгновение из-за тёмных стволов лиственниц в мёртвое стойбище выбежал олень и, не задерживаясь, направляемый храбрым седоком, побежал к песчаной отмели. Загбой в недоумении смотрел на своё спасение. Радостный крик вырвался из глубины его души, когда на спине рогатого учага он увидел знакомый силуэт. Ченка!

Привлекая к себе внимание, он закричал, замахал руками и стал показывать на реку, на противоположный берег. Но его эмоции были лишними. Дочь знала что делать без подсказок отца. Она следила за ним с самого утра. Она ехала по его следам от берегов озера Сумнэ. Девочка видела, что произошло на мёртвом стойбище со стороны из тайги и понимала, что спасение отца только в воде.

В первые мгновения появлению бегущего оленя собаки были удивлены не меньше Загбоя. От внезапного шума они растерялись и, как всегда бывает с ними в подобных случаях, испуганно, предупреждая залаяли. Некоторые из них, самые трусливые, в панике заматались по берегу, на какое-то время позабыв о человеке в воде. Но когда в источнике суматохи они увидели бегущего оленя, их поведение мгновенно изменилось.

Животное пробудило в них звериный инстинкт и напомнило о голоде в острой форме. Собаки приготовились к нападению. Они бросились навстречу Ченке, но, увидев, что добыча сама идёт к ним в зубы, остановились и стали ждать. Этого было достаточно, чтобы стремительно бегущий хор (верховой олень) с лихой наездницей на спине вклинился в стаю, разогнал её по сторонам и забежал в воду.

Возмущённые произошедшим псы с громким гонным лаем бросились в погоню. Услышав этот голос, к берегу от места трапезы убитого оленя отделилось ещё несколько собак. Им не досталось места у растерзанного животного. Они были голодны, как и остальные на берегу. Это существенно ухудшало положение людей.

Напасть псам на учага на берегу не удалось. Не замедляя бега, олень врезался в воду. Разъярённые собаки бросились за ним. Но здесь их уже поджидал Загбой. Он вернулся в реку назад, до пояса, и взмахнул топором. В этот раз собаки забыли про осторожность. Друг за другом они влетели в реку и, едва не хватая оленя за ноги, окунулись в объятия воды. Не доставая лапами дна, собаки плыли. Под удары острого жала.

Загбой владел оружием в совершенстве. Ему приходилось пользоваться топором ежедневно. Это единственное орудие труда, а теперь оружие, которое всегда находилось под рукой.

Он готовил им дрова, рубил охотничьи тропы, строил ловушки, выкуривал из кедра соболей и однажды защитил себя от раненого медведя. Но рубить головы собакам ему ещё не приходилось. Однако выбора не было. Он защищал не только собственную жизнь. Но теперь и жизнь своей дочери.

Отражение нападения оказалось делом более лёгким и простым, чем он думал. Когда к нему приближалась плывущая собака, охотник просто опускал на её голову топор. Плывущая собака не могла увернуться от мгновенной смерти, тут же погибала. Быстрое течение относило собачий труп вниз. На её место подплывала другая, и опять взмах ловких рук.

Сколько раз Загбой поднимал и опускал топор на головы своих врагов, не помнит. Течение реки окрасилось кровью. Мёртвые тела собак, подхваченные течением, плыли вниз по реке, тонули, ударялись о дно, всплывали на поверхность и опять исчезали под водой. Кровавая расправа человека чем-то напоминала игру тайменей во время нереста, когда речные исполины, переваливаясь с боку на бок, продолжают жизнь. Вот только время для икромета совершенно не соответствовало действительности, чистую воду окрасила кровь, а не икра, да вместо чешуйчатых боков на поверхности появлялась шерсть.

Когда была перебита большая часть собак, кто-то из псов, наконец-то вдруг поняв своё неизбежное поражение, повернул к берегу. За ним последовали другие, оставшиеся в живых. Смертельная атака закончилась поражением. Может быть, около десятка собак вернулись назад на берег. Поджав под себя мокрые хвосты, они трусливо затыкали на победителя.

Когда всё кончилось, Загбой вдруг почувствовал, как он замёрз и устал. Ещё какое-то время он смотрел на некогда верных друзей и помощников человека, превратившего их из волка в собаку, а теперь, так глупо и жестоко предавших своего бога. Загбой понимал, что виной предательству является только голод, что в какой-то мере оправдывало поведение взбунтовавшейся стаи.

Охотник знал, что все они, кто остался в живых, теперь обречены на смерть. Глубокий снег и холод надвигающейся зимы погубят их. От этой мысли, несмотря на произошедшее, сердце Загбоя наполнилось жалостью и состраданием к собакам, волею судьбы ставшим виновниками кровавой драмы на мёртвом стойбище. Но что он мог поделать, чтобы спасти их? Как можно было предотвратить гибель лаек племени Длиннохвостой Выдры, если они в настоящий момент в нём видели только добычу?

С глубокой скорбью Загбой покинул мёртвое стойбище. Он уплыл вместе с Ченкой. Преодолеть реку им помог олень. Он переплавил их на правый берег Харюзовой речки, спас от смерти, помог продлить жизнь рода Длиннохвостой Выдры. А этот трагический год, когда от чумы вымерло его племя, Загбой запомнил на всю жизнь, до конца своих дней.

Наступила осень. Выпал первый снег. Впереди долгая суровая зима. Надо промыслить пушного зверя, но для его добычи у охотника нет провианта. Да и к чему порох, дробь? Единственное ружьё, с которым он промыслял последние несколько лет, осталось там, на мёртвом стойбище.

Однако Загбой не жалел об этом. В его памяти были свежи воспоминания, как промыслять пушного зверя с луком и стрелами. Крепкие руки не разучились натягивать жилную тетиву. Острый глаз прекрасно видел, в какую точку должна полететь стрела. Прошлая жизнь – жизнь без русских – не прошла даром. В крови кочевника не умерло умение и мастерство, что передали ему его предки в суровом детстве.

Загбой благодарил судьбу за то, что надоумила его привязать двух своих собак на озере Сумнэ. Кто знает, остались бы они живы? А так опытные лайки, выращенные и воспитанные в тайге, принесут ему удачу и фарт. Жалко, что нет Чингара...

Используя каждый день, Загбой едва успел подготовиться к промыслу. Наскоро он срубил и насторожил самые примитивные, но продуктивные кулёмки, пасти, плашки. Огромную

услугу в добыче аскыров<sup>13</sup> сыграл обмёт. С его помощью охотник добыл семь соболей. В черканы попало пятнадцать горностаев и девять колонков. В плашках и кулёмках задавилось около сотни белок. Трудолюбивая Ченка выделала три сохатинные шкуры. Морозным днём зимнего лютеня охотник вытравил из берлоги и взял на пальму большого рыжебокого амикана.

Но за охотничьими успехами Загбоя настигло ещё одно невосполнимое горе. В метельном декабре при переходе через реку провалились под лёд и утонули три оленя. Для него это был ещё один удар судьбы.

Для эвенка олень – это всё! Еда, тепло, уют, благосостояние, передвижение, охота и, наконец – «лицо охотника». Чем больше у кочевника оленей – тем богаче семья. Теперь у Загбоя осталось только четыре оленя. В один миг лишился своего большого стада. Теперь он был беден. Из почитаемого, всеми уважаемого по всему Великому сибирскому плоскогорью охотника превратился в простого бродягу, вечного странника, скитальца, потерявшего свой род, богатство и надежду на светлое будущее. Теперь не всякий знатный князь при встрече подаст ему свою руку, пустит в чум и накормит жирным куском оленины. Он не сможет отдать Ченку за самого богатого жениха из племени Бегущего Оленя – Митчена. Никто не даст за дочь больше десяти оленей. Да и сам Загбой не сможет выкупить себе новую жену.

Однажды во время зимнего перехода в поисках лучших охотничьих угодий Загбой наткнулся на свежий след аргиша. Теряясь в догадках, но радуясь всем сердцем от доброй встречи, он погнался за своим маленьким караваном за людьми и уже к вечеру догнал Тынчана.

Тынчан – троюродный брат Загбоя из племени Длиннохвостой Выдры. Не раз они вместе тропили след полосатого аскыра, не единожды выючили мясо добытого сохатого, добывали с собаками разъярённого амикана. Тынчан на несколько лет младше Загбоя. Он всегда относился к нему с уважением, добротой и должным вниманием.

Во время эпидемии чумы на Харюзовой речке он, послушавшись мудрого совета Загбоя, вовремя покинул стойбище вместе с женой, сыном и дочерью. Только вот, в отличие от Загбоя, оказался намного хитрее и предусмотрительнее. Во время своего бегства Тынчан успел собрать и угнать с собой более сорока оленей из общего стада племени.

Загбой попросил Тынчана дать ему несколько оленей. Но тот, к невероятному удивлению, показал своё «настоящее лицо». Из некогда спокойного и покладистого человека превратился в жадного, напыщенного князька. Возмнив себя едва ли не старейшиной рода, он отказал Загбою. Свой запрет новый хозяин общих оленей мотивировал будущими проблемами. Наступала пора выбора невесты для сына, а за тори<sup>14</sup> будущий тесть просил двадцать оленей. Остальные олени Тынчану были нужны в его «трудной жизни».

Оскорблённый, униженный отказом брата, охотник ушёл от него ни с чем. Он спрашивал себя, почему Тынчан стал таким жадным и скупым? И почему-то тут же, сразу нашёл ответ на свой вопрос: богатство и достаток часто портят человека.

Единственное, что доброе и обнадеживающее сказал на прощание троюродный брат: из племени Длиннохвостой Выдры в живых осталось ещё несколько семей, в числе которых был родной брат Загбоя, Чилинчен, который тоже успел собрать четырнадцать оленей. Но где искать его след, Тынчан не знал.

В одиноком поиске охотник повёл своих оленей в сторону заката солнца. Ежедневно он покрывал большой путь, делал изматывающие переходы. За короткое время обошёл большую территорию Великого плоскогорья, но так и не мог отыскать следов своих родных. В своём дальнем аргише охотник встречал семьи из рода Проворной Кабарги, Огненной Лисицы, Когтистого Медведя и даже охотников из знаменитого, старого, но малочисленного, племени

<sup>13</sup> Взрослый самец соболя.

<sup>14</sup> Выкуп за невесту.



Кедра. Но эвенки не могли ему рассказать о тех, кого он искал. Никто не видел следов аргиша Чилинчена. Но Загбой не прекращал поиски родной крови.

Однажды на исходе зимы, в пору брачных игр огненной лисицы Загбой пересёк след семьи Бегущего Оленя. Вечером у костра он поведал Огню о своём горе, спросил о своих родных и наконец-то (!) услышал желанный ответ. Ему сказали, что Чилинчен повёл свой аргиш к устью Светлой реки, на покругу с русскими купцами. Ещё охотнику сказали, что у брата больше тридцати оленей.

Загбой был несказанно рад этой новости. Знал брата как мудрого, доброго и отзывчивого человека. И верил, что очень скоро произойдёт воссоединение семей, у него будет много оленей, и он будет водить по тайге большой аргиш. Но главное, о чём мечтал Загбой, – его единственная и любимая дочь сможет выйти замуж за достойного человека и продолжит род.

Отец видел, как за последний год она выросла и расцвела. Как-то раз утром, когда Ченка разводила костёр на улице, Загбой неожиданно для себя заметил, что из маленькой девочки дочка превратилась в юную красивую девушку. Как прекрасен был образ милого лица на фоне восходящего солнца! С каким жадным блеском наслаждения жизнью светились её чёрные глаза! Какой нежной улыбкой очарования, сравнимой с тёплым дуновением весны, озарялось милое лицо! А как видимо приподнялось на её груди расшитое бисером хольмэ! Стройным стал гибкий стан юной красавицы. Песнью капли звучит её нежный голос. От спокойного дыхания веет запахом созревших трав и вкусом тёплого молока важенки. Мягкость ладоней напоминает робкий трепет молодых листочков, наливающихся сладким соком берёзы. Он понял, что наступает ее время.

Охотник знает, почему это происходит и что за этим стоит. Просто к Ченке пришла переломная пора прощания с детством. Скоро, очень скоро наступит тот момент, когда она уйдёт от него в другой чум к мужу. Уйдёт от отца, будет жить своей семьёй, родит детей и уже никогда не вернётся под закопчённые своды его убогого чума. Потому что наступила пятнадцатая весна её жизни.

## Ночное зарево

После нескольких дней тщательных поисков, к своей огромной радости, Загбой нашёл след брата, погнав по нему уставших оленей и стал быстро догонять аргиш.

С каждым днём сокращалось расстояние. Охотник видел свежие копанины оленей, чувствовал застойный запах дыма костров. Устанавливая на ночь чум, натягивал шкуры на шесты брата. Наконец-то в один из вечеров Загбой понял, что до встречи с родными остался всего лишь один однодневный переход, что не позднее следующей вечерней зари он и дочь будут сидеть в чуме Чилинчена, есть свежее мясо и наслаждаться теплом общего костра.

В ту ночь охотник спал плохо. Нервное перенапряжение не давало покоя. Счастливые мысли разогнали сон, перенесли сердце и мысли туда, где в эти минуты были его родные и близкие люди. Он крутился в своих спальниках, подкидывал в костёр очередное сухое полено, присаживался у костра, пил терпкий, настоявшийся до черноты чай, улыбался самой счастливой улыбкой сладко спящей Ченке и думал только о хорошем. Возбуждённое состояние организма требовало движения. Ноги звали в дорогу. Загбой был готов хоть сейчас, в эту минуту вскочить и бежать на лыжах вперёд, в черноту ночи по следу брата. Задумавшись, он вскакивал, сутился, искал одежду. И только лишь спокойное дыхание дочери останавливало его стремление.

За последние несколько дней в бесконечной погоне они сделали семь больших переходов. Тяжёлая физическая нагрузка, быстрое передвижение отрицательно сказались на состоянии Ченки. Движения дочери стали медленными. В глазах царило безразличие, отрешение. Девушка сильно устала. Ей был необходим отдых. Отец понимал это, и ночь полностью предоставлял в её распоряжение, давал отдыхать. Он сам следил за хозяйством, готовил еду, укладывал вещи на нарты и будил её только тогда, когда наступало время выхода в дорогу.

Учитывая состояние дочери, Загбой ждал рассвета. Часто выходил из чума на улицу, смотрел на мерцающие звёзды, на восток и с неудовлетворением думал, что Хоглен<sup>15</sup> в эту ночь просто смеётся над ним. Чистые, яркие звёзды как будто застыли на месте и не желали продвигаться на запад.

В один из таких очередных выходов на свежий воздух Загбой случайно посмотрел на юг. Там в широкой речной долине Светлой реки, далеко разгоняя мрак, светилась широкая алая полоса. С той возвышенности, где стоял чум, было хорошо видно пляшущее пламя беспощадного огня, высоко протягивающее свои горячие руки над сжавшимися макушками деревьев.

Загбой удивился. Никогда ещё в это время года, ранней весной, он не видел пожара. В тайге плотной массой лежит снег, поэтому быстрое перемещение огненного пала было практически невозможно. А одиноко стоящее дерево, будь то сухостойная лиственница или дуплистый кедр, неосторожно подождённые кем-то из охотников при добыче аскыра, тоже не могли дать подобной картины. Даже горящий одинокий чум или изба русских не дали такой силы и мощи беспощадному огню. Горело нечто большее, может быть, поселение лючей (русских). Но что?

Охотнику оставалось только строить догадки. Единственное, в чём он не сомневался, пожар связан с человеком. Это насторожило его, привело к самому плохому предположению. Было ясно, что такой сильный, мощный огонь не был случайностью.

Возможно, это был призыв человека, попавшего в беду. А если это так, то он должен откликнуться, потому что в его груди билось сердце эвенка, жившего по неписаным законам тайги. А закон тайги обязывал всегда и везде помогать людям, попавшим в беду. И помогать сразу же, не откладывая.

---

<sup>15</sup> Созвездие Большой Медведицы (эв.).

Он разбудил Ченку, поймал оленей, собрал свой небогатый скарб и, не дожидаясь первых голосов ранних утренних птах, повёл караван навстречу искусственной заре.

Тайга для эвенка – дом родной. Как человек, всю жизнь живущий в каком-то помещении, прекрасно знает расположение комнат и без особого труда в полной темноте может найти кровать, стол, шкаф и прочие другие вещи, включая мелочи, так же и эвенк, при любых погодных условиях, в различное время суток легко пройдёт по тайге до намеченной цели. Этому способствуют природные, врожденные чувства ориентирования на местности. В сочетании с ежедневной практикой они дают поразительные результаты, которые можно сравнить с безошибочными перелётами диких птиц на юг или обратно, на север.

Загбой владел наукой свободного ориентирования в тайге в совершенстве. Он чувствовал необходимое ему направление инстинктивно. В однообразной серости ночи мог различать оттенки, которые позволяли ему передвигаться в сумерках уверенно, быстро и своевременно обходить возникшее препятствие. Подобно диким зверям, чувствующим тропу лапами и копытами, Загбой, дитя тайги, чувствовал дорогу интуитивно, заранее останавливался перед ямами, колодинами или провалами.

У охотника было хорошо развито обоняние. На расстоянии нескольких метров с закрытыми глазами он мог по запаху отличить лиственницу от кедра, пихту от ели и берёзу от ольхи. И в ту тёмную ночь это помогло в быстром передвижении по ночной тайге. К восходу солнца маленький аргиш стоял у очага пожара.

То, что предстало перед глазами Загбоя и Ченки, действительно можно было назвать большим пожаром. Они стояли на краю пепелища временного русского поселения. На высоком берегу Светлой речки, догорая, дымились несколько деревянных строений. Из пяти бревенчатых срубов целой и невредимой осталась только одна баня, которая стояла на берегу реки. Два жилых зимовья и два продуктовых склада с товарами купцов сгорели до основания. В огне заживо сгорели восемь человек. В живых остался только приказчик Дмитрий. Своё случайное спасение объяснял как великое чудо.

Станным было его поведение, когда увидел неожиданное появление тунгусов. Как всегда бывает при встречах в тайге, первыми почувствовали, услышали и увидели людей собаки. Предупреждая своего хозяина, они с лаем бросились навстречу маленькому каравану. Увидев Загбоя и Ченку, Дмитрий схватил ружьё, спрятался за лиственницу и приготовился стрелять. И только лишь настойчивые крики эвенка предупредили кровавую развязку.

Загбой удивился встрече. Он привык видеть русских купцов радостными и гостеприимными, радушно, с широко распростёртыми объятиями встречавшими людей тайги с мягким золотом. Но в этот раз лицо Дмитрия говорило о другом. Он был рассеян, необычайно взволнован и даже напуган ранним визитом тунгусов. Как будто ожидая появления ещё каких-то людей, приказчик постоянно оглядывался на тайгу, боязливо смотрел по сторонам и ни на минуту не выпускал из рук своего ружья. Несмотря на трагедию, в его глазах не было скорби и печали по погибшим товарищам.

Его лицо казалось холодным и равнодушным, как будто в эту ночь погибли не люди, а некоторые вещи из домашнего, повседневного обихода. В то время когда Загбой вытаскивал из пепелища обгоревшие тела, Дмитрий с дрожью в руках перебирал торбаза и потки с пушиной, подсчитывал оставшийся товар.

Как человек тайги, любознательный следопыт и охотник Загбой долго и тщательно обследовал место трагедии. Так как он плохо знал русский язык, а Ченка не знала его вообще, ему стоило огромных усилий, чтобы с помощью мимики и жестов понять картину произошедшего.

Со слов Дмитрия, пожар начался глубокой ночью, когда все спали. Первой загорелась крайняя к тайге изба, в которой жил купец Ярослав с двумя сыновьями. От сильного ветра огонь перекинулся на вторую избу, а затем и на склады. Приказчик Дмитрий жил во второй избе с тремя помощниками-рабочими. Проводник, тунгус Шунильга, из племени Чёрной горы

всегда находился в своём чуме. Но вчера у русских был праздник, Пасха. Все они перебрали огненной воды. Отчего произошёл пожар, Дмитрий не знал. Может, от керосиновой лампы или незатушённой самокрутки. В сонном состоянии, едва не задохнувшись в дыму, обгорев, Дмитрий всё же успел выбраться на улицу. Спасти своих товарищей не смог, потому что рухнули подгоревшие крыши.

Загбой был удивлён объяснением. Язык и руки Дмитрия говорили об одном, а следы от произошедшего подсказывали другое. Но несопоставимость фактов была налицо. Следы! На месте пожарища были следы ещё одного человека, тунгуса, который уехал на олене в то время, когда жаркое пламя пожирало строения. Кровь на снегу. Откуда она? Свежая, возможно, пролитая два или три часа назад. У Дмитрия, кроме незначительных ожогов, не было резаных или каких-то кровотокающих ран.

Ещё следопыт заметил, что он даже не пытался тушить огонь сам, не брал в руки лопату. Пожар тушил кто-то другой, возможно, тунгус. Почему? Он нарочно дал Дмитрию лопату, попросил его набрать снег в казан и видел, что тот копает горизонтально, всей плоскостью, под острым углом, вглубь, помогая ногой. А там, у пожарища, комки снега отбивались ребром, сбоку, как легче. Так мог делать только тот человек, кто долго промышлял в тайге с таяком и знал, как лучше брать снег.

В завершение своего расследования эвенк долго смотрел на обгоревшие трупы людей, на пепелище, на потки со спасённой пушниной, на торбаза с мукой, товаром, после чего с явной укоризной покачал головой: почему люча смог спасти товар, а люди сторели?

А Дмитрий, не замечая этого, продолжал перебирать и считать мягкое золото. Пушнины было много! Далеко в стороне лежали аккуратно упакованные мешки с сороками соболей, торбаза с сотнями белок, десятки серебристых лис, чёрные шкуры выдр, рыжие стрелки связанных в десятки колонков, смолевые головёшки норок. В отдельных понягах лежали росوماхи, песцы и рысьи шкуры.

Загбой и Ченка смотрели на всё это богатство с чувством восхищения и в то же время сожаления. Мысли отца и дочери были полны разочарования: сколько шкурок таёжных зверей перекочевало в свой последний путь в котомки купца...

Дмитрий не замечал настроения кочевников. Подсчитывая богатство, рассказывал Загбою, что он, а не Ярослав хозяин пушнины, это он торгует с тунгусами, а все остальные погибшие люди – просто его помощники. До большой паводковой воды Дмитрий хотел отправить Ярослава, его сыновей и проводника – каюра с пушниной на берега Великой реки. Там, на Енисее, стоит его купеческая илимка<sup>16</sup> с товаром. Но случилось страшное...

Следопыт выслушал Дмитрия спокойно: какая ему разница, кто хозяин товара и пушнины? Однако поразился, с каким спокойствием, хладнокровием и безразличием было произнесено слово «страшное». И подумал, что ему всё равно, что погибли люди. Главное – в сохранности потки с пушниной.

Загбой не стал говорить русскому о своих выводах. Он никогда не перечил людям, мудро рассуждая, что, правда, как быстрый ручей, пробивающий подтаявший снег, всегда найдёт себе дорогу. Простой, доверчивый по натуре охотник привык воспринимать выдаваемое за действительность. Если Дмитрий говорил так, как хотел, значит, так было надо (но не так, как это есть).

В свою очередь, желая продолжения общения с новым знакомым, едва объясняясь знаками и жестами, эвенк как мог поведал русскому о своём горе, постигшем его и его род на берегах Харюзово́й реки. Он видел, с каким вниманием и сочувствием последний выслушал его скорбную речь. В то же время Загбой заметил, как покраснело лицо русского, каким живым, хитрым блеском загорелись глаза и как мгновенно переменилось его отношение.

---

<sup>16</sup> Плоскодонная длинная лодка, иногда с парусом.

Дмитрий преобразился. От некоторой надменности и высокомерия не осталось и следа. Забыв о пренебрежении к людям тайги, тунгусам, он вдруг стал услужливым, внимательным, предупредительным и даже ласковым (к Ченке). Загбой чувствовал фальшь, но отказаться от дальнейшего общения не мог, потому что этого требовал закон тайги: «Не отвергай того, кто желает тебе добра!»

А русский купец хотел оказать охотнику и его дочери помощь. И Загбой принял эту услугу. На предложение эвенка торговаться Дмитрий тут же согласился и скупил всю добытую пушнину по такой цене, что у того от радости едва не остановилось сердце. Не мешкая купец тут же выкладывал и отдавал охотнику всё то, что он просил.

В обмен на пушнину в руки Загбоя тут же перешли два шомпольных ружья, запасы провианта на два года, три топора, два ножа, несколько брусочков для заточки острых орудий, медные бляшки для оленьих уздечек, шило, гвозди и ещё очень много мелких металлических предметов, необходимых в тайге для нелёгкой кочевой жизни. Пустые потки заполнили продукты. Их было так много, что он просто растерялся. У Загбоя было только четыре оленя, а купленного товара было столько, что содержимое едва ли можно было увязать на десять учагов.

Ченка радовалась не меньше отца. Русский купец отрезал ей по три аршина красной, зелёной и голубой материи, дал пёстрое льняное платье, насыпал три меры разноцветного бисера, небольшое круглое зеркальце, несколько иголок, шёлковые нитки и удивительные режущие ткань ножницы.

Для счастливой девушки подобные покупки казались северным чудесным сиянием в ясный, солнечный летний день! Теперь она сошьёт себе красивое хольмэ, разукрасит его радужными капельками бисера и будет самой красивой, привлекательной невестой! Новой иголкой её проворные руки умело скрепят мягкие олени шкуры в тёплую меховую парку, прочные лосиновые штаны и длинные, на всю ногу, арамусы. Теперь отец не будет мёрзнуть на охоте, скрадывая по снегу сохатого. Благосостояние семьи улучшится во много раз, потому что русский купец щедро, без обмана провёл честную покруту.

А Дмитрий старался изо всех своих сил! Располагая к себе душевных, доверчивых людей тайги, он не скупился на подарки, очень быстро и легко добился своей цели. Захмелевший от спирта, Загбой с благодарной улыбкой на лице лез обниматься к Дмитрию и не переставал повторять одно-единственное слово: «Бое», что на языке народов Севера означает друг, товарищ, брат.

Не скрывая своих восторженных чувств, Ченка прыгала вокруг русского проворной кабарожкой и открыто, преданно смотрела ему в глаза. Она была счастлива вниманием купца, который в завершение торга вручил ей ещё один подарок, о котором девушка даже не смела мечтать. Медленно развязав небольшой мешочек, таинственно улыбнувшись Ченке, Дмитрий достал алые, цвета волчьей ягоды стеклянные бусы.

Ах, как быстро, крыльями порхнувшей куропатки затрепетало сердечко девушки при виде необыкновенного подарка! Яркими звёздочками Чолдона<sup>17</sup> заискрились её глаза! Брусничным соком, случайно пролитым из берестяного туеса, налилось смутившееся лицо, когда, поправляя бусы, крепкие ладони Дмитрия ненадолго прикрыли налитые бугорки девичьей гордости! Холод полярной ночи смешался с таёжным палом в тот момент, когда широко открытые, испуганные, цвета шкурки зимней норки глаза Ченки встретились с пронизательным, холодным взглядом Дмитрия. Неведомая истома тихого весеннего вечера вскружила голову юной девушки. Не понимая, что с ней происходит, она не знала, что ей надо сейчас делать: либо оторвать руки русского от своей груди и убежать надолго далеко в тайгу, либо благодарно улыбнуться в ответ на улыбку большого лючи.

<sup>17</sup> Утренняя звезда. Венера.

Загбой не мог не заметить это внимание. На какой-то миг безграничную радость отрезвил разум. Сердце вдруг заполнили сомнения: не кроется ли за такой щедростью Дмитрия какое-то коварство? Он уже сталкивался с хитростью русских купцов. Охотник догадывался, что они спаивают эвенков специально, для того чтобы потом обманным путём задёшево выменять пушнину и заставить их брать товар в долг.

Однако покрута с Дмитрием была честной. Следопыт видел это по тому, что русский купец в первую очередь обменял пушнину на товар и только лишь потом предложил обязательное угощение.

Четверть со спиртом сблизила Загбоя и Дмитрия ещё больше. После нескольких довольно внушительных доз огненной воды охотник запел добрую песню, прославляющую щедрого русского, который стал тунгусу другом. А Дмитрий, чувствуя момент, наконец-то заговорил о задуманном. Прежде всего, он спросил у Загбоя, как хорошо он знает тайгу. Плохо понимая вопрос, пьяный следопыт на какое-то мгновение лишился дара речи, но когда до него дошло, что у него спрашивают, закачал головой.

О, да! Он, Загбой, знал тайгу очень хорошо, как все чёрточки на своих ладонях. За свои неполные сорок лет он исходил аргишем Великое Сибирское плоскогорье вдоль и поперёк. Помнил все реки, озёра, хребты и белогорья так, как хищный соболь помнит все дуплистые кедры и лиственницы, в которых он когда-то провёл ночь. О своих познаниях охотник мог говорить очень долго, до тех пор, пока русский друг будет подливать ему в кружку спирт.

А Дмитрию только того и надо. Он не скупился на угощение, потому что знал, как добиться желаемого. Когда наконец пьяный следопыт полез целоваться к своему новому бое, высказал свою просьбу. Дмитрий попросил Загбоя провести его караван с пушниной по Великому плоскогорью далеко на юг, к истокам большого, длинного и норовистого Енисея. За такой дальний переход купец не поскупится расплатой. Он пообещал отдать эвенку двадцать оленей (!) и своё новое, заряжающееся с казны ружьё.

Загбой был пьян. Его захмелевшее сознание требовало продолжения дружбы. Он был готов сделать для своего нового друга всё что угодно. Протянуть руку помощи? Пожалуйста! Добыть пушнины? Пожалуйста! Провести караван по тайге? Пожалуйста!

Плохо понимая смысл просьбы, Загбой согласился. Он не задавал лишних вопросов, почему Дмитрий хочет протянуть свой след так далеко на юг. Ему незачем знать, зачем русский купец везёт свой товар далеко в тайгу, а не на берег Великой реки, где стоит его илимка, до которой всего лишь несколько дневных переходов. Следопыт не спрашивал, почему русский повезёт аргишем только покруту, а тела своих друзей оставляет здесь, хоронит на берегах Светлой речки. Он не думал о том, насколько трудным и далёким будет переход, который займёт очень много времени и сил. Эх, Загбой, зачем ты тянешь свой след в дальний, неведомый, незнакомый край?

Обо всём этом Загбой подумает потом, много позже, когда станет кое о чём догадываться. Он будет вспоминать этот день очень часто, длинными бессонными ночами сидя у костра. А сегодня все мысли о другом!

Разве можно человеку о чём-то думать, если в кружку наливается спирт, а обескураженное, размягчённое сознание желает искренней, ответной дружбы с понравившимся ему человеком? Казалось, что в тот вечер охотник мог провести караван без всякой оплаты, просто так, потому что для него Дмитрий был просто друг, бое, и этим всё сказано.

Устный договор тут же скрепили крепким рукопожатием, обоюдными объятиями, чувственными поцелуями и, конечно же, очередной – уже лишней для Загбоя – дозой огненной воды. Плохо контролируя свои действия, развалившись у горящего костра, счастливый тунгус пел свою песню, связывая монотонный мотив с окружавшим его миром. Он пел о дружбе с русским, которого считал купцом. О том, что Дмитрий очень хороший и добрый человек. О

предстоящем переходе на юг, об опасностях и непредвиденных преградах, что будут подстерегать аргиш во время пути и о том, как он, Загбой, будет их преодолевать.

Ему казалось, что сегодня ему подпевает весь мир: весёлое пламя костра, вековые лиственницы, кедр, олени, собаки и даже весенние птицы, подавшие робкий голос в знак приветствия первых тёплых дней предстоящей любви. Иногда он прерывал свой голос из-за звонкого смеха дочери, был счастлив, что Дмитрий относится хорошо не только к нему, но и к Ченке. Загбой верил, что честь, совесть русского купца имеет границы, потому что дружба людей важнее.

Загбой не мог предвидеть, что готовит ему судьба в его дальнейшей жизни, как не мог заглянуть в будущее. Знать бы, что кроется за ласковыми словами русского купца, что стоят льстивые речи и почему Дмитрий не поскупился щедрой покрутой. Если бы мог охотник представить, что дурман огненной воды притупил его разум, слух, затуманил взгляд, поэтому он вовремя не расслышал в вечерних песнях костра и тайги не песни радости и счастья, а робкое предупреждение о коварстве. Он не слышал злобного, недовольного ворчания собак, резкого хорканья насторожившихся оленей, предсказывавших беду. Опьянённое алкоголем сознание не услышало призывных возгласов, обречённых слёз дочери, которая в эту ночь стала женщиной.

## Цена девичьих кос

Седьмой день движется на юг аргиш. Караван из двадцати четырех оленей растянулся длинной, связанной уздечками цепью. Издали, с некоторого расстояния, он похож на большую серую змею, огибающую препятствия и преграды, встающие на ее пути. Вот голова змеи нырнула в кедровую колку, запетляла между лохматых стволов деревьев, не останавливаясь, выползла на заснеженную поляну, растянувшись длинным телом, упала в неглубокий овраг, медленно поползла в гору. Всё ближе к срезу гребня её необыкновенное, комковатое тело. Всё громче нарастающее шипение.

С каждым метром становятся различимы очертания серых звеньев цепи. И вот уже более отчётливо видно вытянутую, мохнатую гадюку, которая вдруг превращается в сороконожку. Шумное шипение скользящего тела разбивается в частую поступь оленьих ног. Резкое, отрывистое дыхание, редкое, монотонное понукание каюра... Мохнатые волосы сороконожки превращаются в небольшие, короткие рога. Три черные точки на серой массе – в людей. Звенья цепи – в двадцать четыре оленьих тела. Чем дальше движется караван, тем яснее приметы наступающей весны. С каждым днём светлее, теплее, чище воздух. Всё короче отрезки времени между вечерней и утренней зарёй.

По ночам слышится робкая незамерзающая капель. Где-то под толщей снега журчит весёлый ручеёк. На солнцепёках вырезались первые пятки проталин. На них, как будто по чьему-то негласному приказу, вылезла молодая зелень травы. Уверенный подснежник, едва проклюнувшись из земли, протянул навстречу солнцу белые и фиолетовые лепестки.

В прозрачном, бесконечном небе с громкими, призывными криками навстречу людям полетели косяки уток, гусей и белоснежных, царственных лебедей. Чувствуя призывные вздохи матери-природы, уважительно уступая дорогу каравану, на север торопливо бегут пугливые сокжои. Заблаговременно скрываясь в чаще, за ними крадутся величественные сохатые. Перерезая тайгу в самых непредвиденных местах, «как по шнуру», в разных направлениях переходят «босоногие» медведи.

Свежей сыростью вздохнула освобождённая из-под снега земля. От скалистых белков потянуло холодом взбудораженных ледников. Пьянящий воздух наполнился трепетом набухших почек берёз. К нему добавился клейкий аромат оттаявшей ольхи. В весенний букет терпким дурманом вкрался привкус разлохматившегося кедра. Как-то неожиданно, за одну ночь позеленели чёрные лиственницы. Далеко внизу, на реке, глухо треснул лёд. Под тёплыми лучами ласкового солнца ухнул просевший снег. Ранним утром, задолго до восхода солнца, в призывной истоме любви затоковал краснобровый глухарь.

На правах проводника Загбой едет во главе каравана. Под ним крепкий, молодой, сильный учаг. Своего верхового оленя он привязал сзади, в повод, навьючил на него потки со спальниками и шкурами для чума. Груз лёгок и не так утомляет животное в дороге. Расчёт охотника прост, как меняющийся день. Его олень идёт легко и свободно, не напрягаясь, без потери лишних сил. Завтра он поедет на нем, а молодого учага, наоборот, поставит в повод. Таким образом, ежедневно меняя оленей, Загбой бережёт силы животных. И это оправданно. Отдохнувший олень идёт быстрее и проходит за день большее расстояние. Таким же образом поступают Дмитрий и Ченка.

Учитывая погодные условия и время года, опытный проводник ведёт аргиш по вершинам белогорий. Там, наверху, весна ещё только предъявляет свои права. В отличие от долин, где снег в дневное время расплывается кашей, в горах он плотный, спрессованный, как цемент. Это даёт преимущество в передвижении: олени идут легко, свободно, не проваливаясь в снег. Высота белогорий, чистые поляны, низкие хребты, в отличие от захламливаемых речных зай-



мищ, крутых прилавков, вскрывшихся болот, зыбунов и топей, позволяют каравану двигаться быстрее.

У Загбоя отличное настроение! Он счастлив, что ведёт большой аргиш из двадцати четырёх оленей, которые по окончании перехода будут его. Семь учагов везут на своих спинах его продукты, оружие и провиант. Он благодарит судьбу за встречу с русским купцом, который подарил ему так много дорогих подарков и обеспечил беззаботное существование на долгое время.

Об этом он поёт в своей длинной монотонной песне. За плечами охотника новое переламывающееся ружьё, которое можно заряжать быстро, металлическими патронами. Новое оружие не знает промаха! Два дня назад он добыл с ним молодого, любопытного сокжоя. А за весь путь, что они прошли караваном от берегов Светлой речки, не слезая со спины учага, он подстрелил пять зайцев, десять куропаток и двух глухарей.

У Ченки теперь тоже есть ружьё. Новая, шомполная, малокалиберная винтовка, из которой она ещё не сделала ни одного выстрела. Но это не беда. Ченка отлично стреляет из лука, с двадцати шагов попадает в маленькую, размером с ноготь, метку. А это значит, что свинцовой пулей дочь поразит добычу на гораздо большем расстоянии. Теперь Ченка будет промышлять белку одна, без отца, и добудет много пышнохвостых красавиц.

На поясе Загбоя в кожаных ножнах болтается острый охотничий нож. Его сталь прочна и крепка, как гранит. Изящная форма лезвия напоминает маховое перо лебедя. Костяная рукоять выточена из бивня мамонта. На правой стороне ручки вырезана сценка охоты человека на медведя. На левой – аскыр, скрадывающий токующего глухаря. Когда Дмитрий подарил Загбою этот нож, он обрадовался. Рассматривая настоящее произведение искусства, спросил о том, что за мастер делал этот нож. Дмитрий ответил, что человек живёт очень далеко, где-то в городе, и встреча с ним невозможна, потому что он умер.

Любуясь подарком, Загбой периодически откидывает полу своей дошки, долго смотрит на холодное оружие и, налюбовавшись, всякий раз поворачивается назад, даруя своему благодетелю очередную благодарную улыбку.

Дмитрий едет за каюром на третьем олене. Загбой долго выбирал для него самого крупного и сильного учага. Шутка ли, вес его тела в полтора раза больше его, да и ростом Бог не обидел. Длинные ноги Дмитрия свисают с оленьих боков сучковатыми корягами, едва не достают земли и постоянно цепляются за кочки, колодины и низкорослый стланик. На голове – аккуратная вязаная шапочка. На теле поверх белья – суконная куртка. На ногах – длинные меховые ноговицы. За плечами короткий винчестер.

Необычное ружьё вызывает у Загбоя постоянный нескрываемый интерес. На каждом привале он с восхищением рассматривает оружие, ласково трогает руками вертикальные стволы, прикидывает к плечу и громко цокает языком. Охотник знает, что в потках русского помимо ещё нескольких ружей есть ещё одно, точно такое же. Однако оно очень дорогое. Дмитрий заломил за него такую цену, что расплатиться за него он сможет пушниной только лишь после трёх лет удачной охоты. Тогда зачем ему этот винчестер? Загбою надо кормить семью, себя, выдавать Ченку замуж. И у него уже есть одно, а большего ему и не надо.

В глазах Дмитрия отражаются противоречивые чувства. Он постоянно оглядывается назад, на оленей, на которых увязан груз с его пушниной. Раздувшиеся потки радуют. От мысли, что в них сокрыты тридцать четыре тысячи соболей и семь тысяч белок, у него замирает сердце, кровь холодит затылок, а большие голубые глаза превращаются в угловатые глазки крадущейся росوماхи.

Но вдруг тайное ликование сменяется сомнением. Дмитрий недоволен, что Загбой ведёт аргиш слишком медленно, не так обходит препятствия и вообще едет не так и не там, где бы хотел ехать он. Но сомнения скоро проходят. Он видит, что каюр ведёт караван исправно, а

отклонения от заданного маршрута – просто не что иное, как заблаговременный обход преград. Это даёт повод для молчаливого восхищения опытным проводником.

Дмитрий понимает, что следопыт знает местность отлично, ведёт караван так, как этого хочет, а его волнения совершенно напрасны. Тогда его строгие, слегка надменные черты лица покрывает тонкая, хитроватая улыбка. Повернувшись назад, он смотрит на Ченку, что-то шепчет про себя и медленно качает головой.

Ченка едет в хвосте каравана. В ее обязанности входит постоянный досмотр за завьюченными оленями. Глаза полны печали и неумело скрываемого горя. Она молча смотрит на проплывающую мимо неё тайгу, рубцеватые, скалистые горы и не видит их. Мысли девушки где-то далеко, там, в далёком чуме, где слышится песня матери, где всемогущий Огонь дарит тепло и уют её телу, где разумная речь отца учит жизни её братьев. Она вспоминает ласковый ветер, что приносил с рождения знакомые запахи родной тайги. Она там, в далеком, счастливом, безмятежном детстве, где все просто, ясно и понятно.

Ченка! Трепетный цветок на заре мироздания! Свежий поток весеннего воздуха на заре! Прозрачная росинка в лучах восходящего солнца! Простая, доверчивая, наивная, детская душа! Знала ли она, что человек способен на хитрость в достижении своей цели? Видела ли в лице мнимого друга хищный оскал волка? Нет.

Дитя тайги. Верная дочь своего народа. Того народа, в чьём сознании нет места обману, лести и лжи, кто всегда, в любой момент готов прийти на помощь человеку, попавшему в беду, готов делиться последними крохами еды, кто не ведает чувства жажды наживы за счёт чужого горя. Как она могла увидеть и разглядеть в обыкновенном лице человека маску насильника, если в тот злосчастный день она видела русского человека первый раз в своей жизни?

Она плохо помнит, что с ней происходило. Туман алкоголя затмил трезвый разум, приглушил чувство самозащиты. В тот вечер она пила огненную воду первый раз. Кто мог ей подсказать, что ей категорически противопоказан холодный пожар алкоголя? Отец был пьян и только радовался поведению дочери, задохнувшейся от обжигающего чувства горькой воды. А он, Дмитрий, специально подливал в её кружку небольшие, но частые дозы спиртного.

А потом всё было как в нереальном мире. Окружавший её лес плавал, опрокидывался, переворачивался. Ченке казалось, что она несётся с высокого белка на лыжах. Или плывёт на лодке по порожистой речке. Ей было весело как никогда. Она смеялась, плакала, пела песни, танцевала и требовала продолжения праздника. Вместе с ней смеялся Дмитрий и, уступая её настойчивым просьбам, подливал и подливал ей обжигающую жидкость. Девушка с трудом контролировала своё состояние. Да и зачем ей это было надо? В реальности был сумбур восторженных чувств.

Вот она учит русского купца своим народным танцам. Вот Дмитрий учит танцевать её. Нежно приобняв за талию, медленно водит по кругу, прижимает к своей груди. Затем вдруг горячо целует в губы. Она, не понимая этого, отвечает ему тем же. Зачем? Может быть, так надо, и это необходимо в отношениях русских людей? Потом был очередной провал в памяти. Она плохо понимала и чувствовала, что кто-то несёт её на руках. Ченке плохо, её тошнит.

Она с трудом поворачивается набок и видит, как через оголённое плечо пересыпается распущенная коса. Когда она успела расплести свои косы? И почему лежит голая? Вот кто-то склонился над ней, осторожно гладит её угловатые плечики. Она замирает, чувствуя, как на налившуюся грудь впервые ложится загорбевшая рука мужчины.

Кто это? Дмитрий склонился над ней и настойчиво напознает на неё сверху. Зачем? И вдруг всё поняла! Попыталась вырваться, забилась пойманной рыбкой в лодке рыбака, да где там! Дмитрий силен, как медведь! Сжал трепещущее тело крепкими руками до хруста девичьих косточек. Какое-то время ещё пытался найти губами её губы, но потом, поддавшись влечению инстинкта, приподнялся, стал смотреть остекленевшими глазами куда-то вниз.

Вздрыгнула Ченка, взвизгнула, застонала. Судорожная боль заполонила прогнувшееся в дугу тело. Тонкие руки взметнулись к его волосам, но он прижал их к телу, припал грудью к её пухлым бугоркам. Скреплённая в крепкие мужские объятия, девушка замерла с перекошенным лицом. А потом, почувствовав себя подвластной чужой, разрывающей плоти, медленно закрыла глаза и тихо, по-детски заплакала.

Та страшная, сумбурная ночь принесла Ченке боль, стыд, обиду и страшное разочарование. В своих юных, детских мечтах она видела светлую любовь, которая придёт к ней неожиданно и утопит в своих ласковых объятиях. Чудесные сны – представления, сившие ей много раз, заставляли биться сердце порхнувшей куропаткой, заполняли разум восторженным томлением.

Ченка ещё никогда никого не любила, но уже видела и представляла свою будущую любовь так, как говорили ей сны, как подсказывало сердце. И вот теперь все ожидания разрушены за одну ночь, проведённую в аду. Она стала избегать Дмитрия, как избегает нежелательных встреч с аскыром пышнохвостая белка. За все время семидневного перехода ни разу не подошла к нему, держалась как можно дальше, в стороне, а ночью пряталась за спину отца. И постоянно, заглушая боль плоти и души, тихо, скрывая слезы, плакала.

Ченка не рассказала Загбой о том, что с ней сделал Дмитрий. Не могла, потому что не знала, как ему поведать об этом. Она не знала слов, объясняющих произошедшее. Нет, она не боялась его. Просто её поруганную душу съедали черви стыда. Была бы мать, всё было бы проще. Женщина всегда поймёт женщину. Но мужчина в редких случаях может найти общий язык с дочерью. Тем более что этот случай был позорным и унижительным. Так думала Ченка. А Загбой ни о чём не подозревал.

А Дмитрий, как будто ничего не произошло, продолжал оказывать девушке знаки внимания. Тайно от Загбоя. Настоячиво, многозначительно улыбался, подмигивал, ухаживал на привалах и даже дарил ей первые весенние цветы. Но Ченка отвергала все попытки к восстановлению дружбы. А потом, тайно от всех, подсунула ему в карман те злосчастные бусы, которые, как она думала, стали причиной её необдуманной благосклонности к насильнику. Теперь она знала, кто такой Дмитрий. Но всё-таки, как ни пыталась отклонить и отвергнуть единение с русским, это случилось.

И произошло это на седьмой день пути каравана. Ближе к вечеру аргиш подошёл к высокой, скалистой гряде, неприступной стеной вставшей на пути людей и оленей. Слева – глубокое, непроходимое ущелье. Справа – высокий, остроконечный голец. Осмотревшись, Загбой приказал Ченке ставить чум, разводить костёр и готовить ужин. Дмитрий стал развьючивать оленей и укладывать груз. Следопыт повернул своего учага в гору, поехал искать проход в скалах.

Если бы Загбой видел, какими глазами дочь смотрела на уезжающего отца! Знать бы ему, что в то время творилось в девичьей душе! Видеть бы, как рвалось вслед за ним раненое сердце Ченки, остающейся наедине со своим насильником...

Для Ченки это были самые тяжёлые минуты за всё время после встречи с Дмитрием. Она понимала, что он, конечно же, не упустит момента, и без отца случится то, чего она боялась. Не испытывая судьбу, надеясь только на свои силы, Ченка тайно вытащила из своей потки небольшой охотничий нож и спрятала у себя на груди под хольмэ.

Нет, она не хотела убивать Дмитрия. Мысли девушки были простыми и безобидными, как порождение молодых листочков на дереве. Ченка хотела просто напугать его, защитить себя в случае нападения. Однако в первые минуты Дмитрий как будто и не думал о своих корыстных целях. Не обращая никакого внимания на девушку, он разгрузил оленей, привязал

к их ногам чанхай<sup>18</sup> и пустил животных на волю. Затем собрал турсуки с продуктами, потки с пушниной, сложил их в кучу под лиственницу и накрыл оленьими шкурами.

Ченка развела костёр и поставила над огнём большой казан с водой. Теперь надо нарубить шести для остова чума. Это мужская работа. Дмитрий взял из её рук топор, стал рубить подходящие деревья. Ченка растерялась, недоуменно посмотрела на него, но потом, как будто спохватившись, стала обрубать пальмой сучки и подносить шести к месту будущего жилища.

Казалось, что все опасения девушки напрасны. Он молча махал топором и не смотрел в её сторону. Довольная его поведением, Ченка успокоилась и в какой-то момент посмотрела ему в лицо. Он улыбнулся ей в ответ, не отрываясь от работы, сказал какое-то ласковое слово. Но, как оказалось, это была всего лишь игра. Когда под ударом острого топора на снег упала последняя пихта, а увлечённая работой девушка стала обрубать мохнатый лапник, сзади на её хрупкие плечи легли крепкие мужские ладони.

Она замерла от неожиданности и страха. Сердце замедлило свой ритм. Разум взорвался вулканом. Затрепетавшая душа провалилась в бездну бушующего водопада. Мышцы сковала судорога, руки и ноги отказывались подчиняться. Как в небытие, девушка чувствовала, как он быстро повернул её к себе и прижал к своей груди. Видела его надменное, холодное лицо, хитрые, горящие глаза и растянутые в усмешке губы. Он привлёк её, настойчиво поцеловал в губы.

Она запомнила этот поцелуй надолго. Это был поцелуй страсти и нахальной вседозволенности. Как и в ту ночь, от Дмитрия веяло холодом и плохо скрываемой похотью. Единственное, что ему было необходимо, это её нежное, молодое тело.

Он подхватил Ченку на руки, всё так же криво усмехаясь, понёс в глубину тайги. Она попыталась вырваться, но все старания были бесполезны. Дмитрий прижал к себе ещё крепче и глубоко, неприятно засмеялся. Тогда она вспомнила, что в её правой руке сжата пальма.

Коротко взглянув на свое грозное оружие, она замахнулась рукой, хотела нанести Дмитрию отрезвляющий удар торцом секиры. Он заметил, своевременно предупредил её намерение. В последний момент отклонил голову в сторону. Но это всё равно не помогло избежать наказания: прочная, деревянная ручка сорвала ему за ухом кожу. И хотя удар был слабым, это заставило Дмитрия разжать руки и выпустить свою жертву. Ченка упала ему под ноги на снег, глядя снизу вверх молящими глазами. Будто куропатка в когтях филина, она ждала своей участи.

На какое-то мгновение Дмитрий растерялся. В удивлении, округлившимися глазами – что в некоторой степени предавало ему сходство с филином – он смотрел на девушку, осмысливая произошедшее. Приложил руку за ухо – кровь. Усмехнулся, скривил губы, в гневе прищурил глаза и вновь потянул к девушке свои руки.

Ченка попятилась назад, замахнулась пальмой для повторного удара. Но на этот раз к отражению нападения Дмитрий был готов. Едва секира описала половину своего направленного пути, он резко пнул ногой по руке девушки. Пальма вылетела из ладони Ченки и, изменив траекторию, отлетела далеко в сторону. Дмитрий торжествующе захохотал.

Девушка, не дожидаясь его последующих действий, с перепуганными, наполненными слезами глазами попятилась назад, вскочила на ноги и побежала в спасительную тайгу. Он как будто этого и ждал. В несколько прыжков догнал и едва не поймал её за косы. Увернувшись, девушка проворно скрылась за стволом лиственницы, и только этим спасла себя от рук насильника. Она поняла, что её спасение за стволами деревьев.

Но Дмитрий оказался более быстрым и ловким. Эти два качества очень быстро доказали его неоспоримое преимущество по сравнению с девушкой. Ченка поняла, что за одним деревом

<sup>18</sup> Небольшая палка, для того чтобы за ночь олени не разбрелись по тайге далеко.

ей не спастись от цепких рук, стала перебегать от одного ствола к другому. Это ненадолго продлило ей свободу.

Быстрые перебежки двух людей со стороны могли показаться увлекательной игрой в кошки-мышки. Но, приглядевшись к лицам играющих, можно было увидеть боль и безнадежность в глазах девушки и азартную жадность, желание в глазах мужчины. И догадаться, что это далеко не догонялки, а нечто сравнимое с танцем смерти, в котором роль колонка исполнял Дмитрий, а роль мышки – Ченка.

Неизвестно, сколько времени могла продолжаться подобная игра, если бы за спиной девушки не осталось деревьев. Та самая скалистая гряда, что сегодня предстала перед караваном, теперь заслонила холодом камней путь к бегству растерявшейся Ченки. Все еще на что-то надеясь, пытаясь увернуться от рук русского за последним стволом разлапистого кедра, она со слезами на глазах смотрела на возвышающуюся стену.

Ухмыляющееся лицо Дмитрия выражало полное удовлетворение. В предчувствии скорого наслаждения возбуждённо загорелись глаза насильника. Движения стали медленными, уверенными. Он уже торжествовал победу.

Но поистине верна мысль, что стремление любой жертвы к спасению почти всегда побеждает. Мышь ищет самую узкую норку. Рябчик сливается с окружающим миром и затаивается в густых зарослях. Заяц делает смётку или даже прыгает в воду. Сохатый уходит в самое глубокое болото. Марал надеется на ноги. Кабарга затаивается на неприступном скалистом отстое. В сравнении с животными, человек не исключение. Благодаря своему в совершенстве развитому сознанию он более предприимчив, чем животное, и практически всегда находит порой невероятный выход из создавшегося положения.

И Ченка нашла этот путь. В самый последний момент, когда протянутая рука Дмитрия едва не поймала её взметнувшуюся косу, она круто развернулась, напрягая последние силы, бросилась к скале. С проворством, цепляясь за едва видимые трещины, полезла вверх.

Взорвавшийся Дмитрий бросился следом. Погоня возобновилась с новой силой. Только теперь мышка стала проворной, резвой кабаргой, а рыжий колонок превратился в хитрого, настойчивого лиса.

Метр за метром Ченка взбиралась вверх по скале. Быстроте её передвижения способствовали лёгкость, гибкость тела. Более грузный, неповоротливый Дмитрий заметно отстал. Однако желание добиться своего подгоняло его, он не допускал мысли о прекращении преследования. Трепещущее сознание жертвы лелеяло мысль о спасении. Кипящий разум насильника как никогда требовал наслаждения.

Ченка не знала, что будет наверху. Никогда здесь не была, взбиралась на скалу первый раз в жизни. Но верила в своё спасение, жила мыслью о том, что обретёт свободу. Каким горьким было её разочарование! Какой болью сжалось сердце девушки. Подобно белоснежному лебедю, у которого в небесах отрубили крылья, замерла мгновенно опустошённая душа. Все надежды были уничтожены в одно мгновение, когда она наконец-то достигла вершины скалы.

Двадцатиметровая высота природного изваяния ограничивалась крутыми, отвесными стенами. Между соседними скалами страшной пропастью зияла пустота, не дававшая никаких шансов на спасительный прыжок. Ченка оказалась на небольшой площадке. Единственный путь отступления, по которому она взобралась сюда, был отрезан Дмитрием.

Слёзы безысходности наполнили глаза девушки, попавшейся в непредвиденную ловушку. Сжавшись в комочек, она присела на краю обрыва и с очернённым сознанием стала ждать своей участи. В какой-то момент подумала о спасительном, смертельном прыжке вниз, на каменистый курум, но страх перед гибелью оказался сильнее её воли. Ченка вспомнила слова отца, который всегда говорил, что «смерть сильна, но жизнь сильнее!». Она была ещё молода, чтобы так неразумно расстаться с этим миром. В её сердце жила робкая надежда на то, что всё ещё может кончиться хорошо, что насильник откажется от своих намерений.

А Дмитрий уже близко. Всё громче слышалось шумное дыхание, отчётливее звук пальцев, царапающих каменные уступы, и тяжёлая поступь ног. Ещё мгновение – и на противоположной стороне площадки показалась взъерошенная голова, злые глаза, покрасневшее лицо.

Он вылез на площадку, увидел Ченку, край пропасти... Оценивая ситуацию, удовлетворённо посмотрел на безграничную ширь тайги, на обречённую жертву, небрежно, самодовольно рассмеялся и присел на корточки. С минуту, наклонив голову, смотрел на неё с хитрой улыбкой. Праздную победу, хитрый лис наслаждался муками кабарги. Затем, восстановив дыхание, приподнял правую руку и медленно поманил к себе девушку пальцем. Ченка сжалась ещё сильнее, заплакала громче, но осталась сидеть на месте. Тогда он встал сам. На ходу снимая с себя курку, неторопливо подвинулся к ней. Его самоуверенная походка была осторожной, как у счастливого охотника, осматривающего пойманную в капкан добычу перед последним, решающим ударом таяком.

Но и сейчас Ченка не считала себя добычей. Это только казалось, что она была подавленной и обречённой, потому что в этот момент у неё вновь возник очередной робкий план спасения. Её глаза были полны слёз, но за этими слезами горела искорка решения, которое она хотела привести в исполнение. Каждый мускул тела девушки был напряжён до предела и только ждал момента, когда наступит миг для решающего прыжка.

Как только он оказался на расстоянии одного короткого шага, а протянутая рука едва не коснулась её головы, маленькая кабарожка сделала резкий выпад вперёд, делая вид, что хочет проскользнуть у лисовина под правым плечом. По всей вероятности, Дмитрий не ожидал подобных действий, потому что с некоторым опозданием попытался навалиться и придавить Ченку всем телом.

Этого было достаточно для того, чтобы стремительная кабарожка, точно предусмотрев свои и его действия, мгновенно отпрыгнула назад и пружиной сработавшего капкана сделала повторный, но теперь уже настоящий прыжок под левой рукой врага. Этот трюк удался ей даже более чем совершенно. За краткий миг она уже была на противоположной стороне площадки перед спасительным спуском вниз.

Ещё не понимая, что ей удалось вырваться на свободу, приостановилась, чтобы точно рассчитать трещины и уступы для бегства, как вдруг услышала за своей спиной резкий крик. Ченка замерла, круто развернулась на месте: Дмитрия на площадке не было.

Сразу поняла, что произошло. Сверкнувшей молнией в её голове метнулось воспоминание о том, что когда делала свой последний, решающий прыжок, её рука непроизвольно, но достаточно сильно толкнула русского. И если учесть то, что склонившийся Дмитрий потерял равновесие, то там, внизу, уже случилось самое плохое и непоправимое.

Ченка бросилась назад, к краю пропасти, увидела его. Невероятно как зацепившись за едва видимый выступ, он висел на вертикальной, отвесной стене, в нескольких метрах от края площадки. Правая нога в согнутом положении кончиком ступни поддерживала напрягшееся тело. Вторая, левая, выискивая опору, судорожно сжимаясь, болталась в воздухе. А там, далеко внизу, чёрные, холодные камни растёкшегося курумника в безмолвном молчании невидимым магнитом притягивали к себе обречённую жертву.

В округлившись глазах Дмитрия застыл смертельный страх. Белоснежное, без единой кровиночки лицо отпечатывало оттиск ужаса последних мгновений его жизни. Из приоткрытого рта, с посиневших губ слетал едва слышный стон. Он смотрел в девичьи глаза с немой безысходностью, не в состоянии вымолвить хоть какого-то слова. Чувствуя смерть, он не просил прощения, не взывал мольбой о помощи и не грозил возмездием. Он просто обречённо молчал.

Какие-то мгновения они смотрели друг другу в глаза. Два человека. Мужчина и женщина. Девушка и насильник. Хищник и жертва. Два врага, чьи роли изменились за один миг. Теперь

Дмитрий оказался в положении Ченки. Загнанная кабарожка превратилась в вольную, свободную птицу. Хитрый лис – в волка в капкане. Теперь он походил на существо, получившее то, что заслужил.

Но это был человек – человек, попавший в беду. А свободолюбивое, незлопамятное сердце девушки всегда приказывало помогать людям, с кем случилось несчастье. И пусть это был враг, минуту назад жаждущий её бесчестия, но это был тот, кто дышал с ней одним воздухом, был молод и хотел жить. Так твердил голос предков. Так говорило девичье сердце.

Беспрекословно повинувшись этому чувству, Ченка упала на край пропасти, протянула ему свою тонкую, хрупкую руку. В глазах Дмитрия вспыхнула надежда на спасение. Губы задрожали нервным трепетом, щёки покрылись легким румянцем брусничника, пальцы ладони в страждущем порыве медленно потянулись навстречу протянутой ладони.

Но слишком велико было расстояние, отделявшее жизнь от смерти. Как бы ни старалась Ченка дотянуться рукой до руки Дмитрия, оно все равно оставалось недостижимым. Между пальцами оставалось не меньше полутора метров пустоты. Из всех сил она пыталась как можно дальше вытянуться вниз, через край площадки, но это не привело к успеху.

Ченка вскочила на ноги, заметалась по площадке в поисках вспомогательного предмета, но на поверхности скалы, на камнях не росло ни единого деревца, не было ни одной палки или даже корявого сучка. Где-то там, внизу на стане, была верёвка, топор, росли деревья. Но, чтобы спуститься вниз, а потом вновь подняться наверх, требовалось время, драгоценное время, а его не было. Девушка видела, что судорожно сжимающиеся пальцы Дмитрия слабеют с каждой минутой, выдержат вес тела совсем недолго. А потом...

Она вновь упала на край площадки, опять протянула руку, но и эта попытка, увы, как и первая, конечно же, ничего не дала. Но... К невероятной радости, она вдруг увидела свои косы! Как две чёрные змеи, два связующих звена, две прочные веревки они выпали из-за её плеч навстречу руке Дмитрия.

Радостное восклицание сорвалось с её губ. Он тоже увидел косы, всё понял, подался вперед, вверх. В его угасающих глазах вновь засветились горящие искорки.

Но и это не помогло. Несмотря на все старания Ченки продвинуться как можно ниже, косы едва перекрывали её руки. А до руки Дмитрия оставалось ещё значительное расстояние.

Сознание девушки мгновенно озарила мысль. Она вскочила на ноги, выхватила из-под хольмэ нож и, не раздумывая, под корень отрезала правую косу. В её руке оказалась воронёная змея, которая могла спасти жизнь человеку.

Ченка бросила ему конец косы, но, к обоюдному разочарованию, ее не хватало для исполнения задуманного. Дмитрий едва касался кончиками пальцев за её конец. Тогда девушка ещё одним ловким движением отхватила вторую косу, быстро, прочно связала их в одну веревку, а с концов, для прочности захвата, накинула две небольшие петли под руки. В одну петлю про-сунула свою ладонь. Вторую бросила вниз, ему.

Теперь длины связанных кос хватало даже на то, чтобы для надёжности опоры Ченка могла отползти от края пропасти на некоторое расстояние. Но это не избавляло ее от смертельной опасности. Ладонь Ченки, так же как и рука Дмитрия, находилась в петле, они были связаны воедино. Одно неверное движение русского – и она полетит на курумник вслед за ним.

Напрягая последние силы, Ченка потянула тяжёлое тело вверх. Казалось, что эта помощь будет безуспешной, но по тому, как медленно – очень медленно – переползает переплетённая трёхжильная коса через край, понимала, что он выбирается наверх. Ченка не смотрела на него, не видела, что он делает, как, за какие уступы цепляется и на что опирается ногами. Но по тому, как и с каким напряжением звенит натянутая «верёвка», было понятно, что её помощь играет важную, главную роль в его спасении.

В какой-то момент коса резко дёрнулась и едва не увлекла Ченку за край уступа. Девушка села на площадку, упёрлась ногами в трещину в скале. Это помогло избежать трагедии. По

всей вероятности, нога Дмитрия сорвалась с уступа и только своевременная поддержка спасительницы помогла ему сгруппироваться и вновь схватиться за трещину в камнях. Больше не испытывая судьбу, Ченка уже не вставала на ноги, тянула за косу сидя, оперевшись ногами в трещину.

Какими долгими, невероятно трудными были минуты напряжения! Девушке казалось что вот-вот – и на её ногах порвутся мышцы, лопнут жилы, оторвутся руки. Ей не хватало воздуха – она едва не задыхалась от перенапряжения. Из прикушенной губы тонкой струйкой текла алая кровь. Раскрасневшееся лицо пылало багряным закатом. Из широко открытых глаз капали прозрачные алмазы слёз.

Ченке казалось, что всё это продолжается долго, бесконечно. Может быть, он уже никогда не вылезет наверх. А Дмитрий как мог быстро, но в то же время тщательно пробовал все точки опоры. Лишь убедившись в их надёжности, хватался пальцами за выступ, ставил ногу и только тогда подтягивался выше.

Вот наконец-то он схватился побелевшими пальцами за край площадки. Возможно, для Ченки это мгновение было самым долгожданным за всю её короткую жизнь. Затем из пропасти показалась лохматая голова, плечи. Ещё несколько натужных усилий, и медленно, тяжело Дмитрий перевалился на площадку.

Уткнувшись лицом в камни, тяжело, прерывисто дышал. Она сидела рядом и судорожно трясущимися руками перебирала косу. Прошло немало времени, прежде чем он зашевелился, осторожно приподнялся на локтях и посмотрел ей в лицо. Ченка потупила глаза, отвернулась и, казалось, не удостоивала его своим вниманием. Так прошла минута.

Дмитрий встал, сел рядом, всё так же не отрывая взгляда, продолжал смотреть ей в лицо. Она собрала косу в кольцо, тяжело, шумно вздохнула, хотела встать. Он осторожно, нежно взял её за запястье, удержал на месте. Ченка вздрогнула, хотела вырваться, но, вдруг почувствовав резкую перемену в его поведении, безропотно подчинилась, осталась сидеть на месте. В сознании вновь вспыхнули яркие воспоминания той страшной ночи. Неужели опять?! Предчувствуя самое плохое, девушка обречено склонила голову на грудь и стала ждать.

Вопреки всем её самым плохим представлениям, он не набросился на неё диким зверем, а осторожно, мягко взял в свои ладони лицо девушки, повернул к себе, попытался привлечь её внимание к своим глазам. Она хотела высвободиться, смотрела куда-то в сторону, на безбрежный океан тайги или вниз, под скалу. Но Дмитрий был настойчив, старался добиться своего.

Она посмотрела на него, удивилась спокойствию, синеве его глаз. В них не было ничего, кроме благодарности. Он смотрел на неё искренне, откровенно. Всегда усмехающееся лицо было серьёзным, но не холодным. Дмитрий понимал, что обязан девушке жизнью, и теперь, после произошедшего, это в корне изменило его отношение к ней.

Она видела другого человека. Неизвестно как, куда и когда исчезли хамство, надменность, презрение. Вместо этого где-то там, в глубине его души, вспыхнули искорки неведомого чувства. Они разбудили в девичьей душе что-то новое, непонятное и заставили биться сердце с удвоенной силой.

А он, разбивая все девичьи предубеждения и недоверие, зажигая в её сознании горячий костёр, осторожно приблизил к себе смущённое лицо и поцеловал вздрогнувшие губы долгим, продолжительным поцелуем. После этого, как будто исполнив свой долг, выразив все свои эмоции по отношению к своей спасительнице, стал спускаться вниз.

Для девушки это было неожиданно. Она ещё долгое время не могла сдвинуться с места. В её душе царили хаос и смятение. Она не могла поверить, что поцелуй русского может произвестить на неё такое впечатление. Разум застыл, сердце вспорхнуло ночным мотыльком и улетело в невидимую даль, раненая душа утонула в глубоком озере. Приложив ладонь к губам, как бы защищая от ветра след недавнего прикосновения, Ченка сидела и невидящими глазами смотрела куда-то в одну точку. Она ещё никогда в своей жизни не видела, не чувствовала вот



такой невероятно приятной ласки постороннего мужчины. И вдруг поняла, что с ней что-то произошло.

Загбой в глубоком раздумье. Когда он увидел дочь без кос, очень удивился. Косы для девушки – это честь и гордость. Это красота, непорочность, неизменный путеводитель в мир семейной жизни. Лишиться кос – значит, лишиться чести. Без кос Ченка была некрасива, уродлива. Теперь на неё не посмотрит ни один юноша. Она не сможет, как все девушки, выйти замуж. Молва о девушке без волос очень быстро облетит все стойбища Великого плоскогорья. Теперь он, Загбой, вместе с дочерью потеряет уважение перед родом эвенков.

Его удивление переросло в родительский гнев. Даже не спросив Ченку о причинах, он первый раз в своей жизни бросился на дочь с кулаками. Однако Дмитрий преградил ему дорогу, заслонил грудью свою спасительницу. Ему пришлось какое-то время успокаивать взорвавшегося отца и уже потом объяснять произошедшее.

Русский постарался доступно рассказать о том, что случилось. Объяснил, как полез на скалу, сорвался в пропасть и Ченка ценой собственных кос спасла ему жизнь. Но не сказал самого главного. Он промолчал о причине, повлекшей за собой всю цепь непредвиденных событий. Тайно, украдкой посмотрев на девушку, он соврал следопыту, сказав, что видел на скале кабаргу и хотел добыть на ужин мясо.

Объяснение было более чем уважительной причиной. Загбой тут же остыл, с гордостью посмотрел на дочь. Но дальше поощрительного взгляда восхвалять поступок Ченки не стал. В племени Длиннохвостой Выдры не любили, да и не умели хвалить отличившихся. А своевременная помощь другому человеку эвенки воспринимали как естественный поступок.

Но опять же любопытный характер следопыта требовал обстоятельного осмотра места происшествия. После ужина охотник не поленился, поднялся на скалу и очень долго, кропотливо осматривал каждый сантиметр каменной площадки. Когда он спустился вниз, по его строному, недоверчивому взгляду Дмитрий и Ченка сразу поняли, что Загбой не верит ни единому слову русского, и более того, что-то подозревает.

Да, это было так. Благодаря своему опыту, наблюдательности, разуму следопыт понял, что Дмитрий его просто обманывает. Загбой понял, что на таких скалах кабарга стоять не может. Прекрасно зная характер таёжного олененка, охотник учел все особенности любимых мест проживания осторожного зверя. Он привык видеть этих животных на скалах и возвышенностях с густой растительностью, небольшими выступами и нишами для отстоя, с возможными путями для спасительного бегства. Здесь не росло ни одного деревца. На гладких, обрубленных стенах не было ни одной ниши или маленького уступа. И на площадку можно было подняться только с одной стороны. На такой скале кабарга всегда окажется в ловушке, станет лёгкой добычей росوماхи, аскыра, филина и даже черного ворона.

Для более точной оценки Загбой стал обследовать уступы и площадку. Охотник не нашёл ни одного следа маленького копытца. Также Загбой не видел ни единого шарика помёта кабарги. Когда его расследование было закончено, тогда и возник тот первый вопрос, который повлёк за собой череду подозрений в правдивости рассказа русского купца.

– Зачем Дмитрий взбирался на скалу? Как он мог оступиться? Почему там оказалась Ченка с ножом? – спрашивал себя Загбой и не находил ответа. Но самой важной и пока что неразрешимой оставалась неразгаданная мысль: почему русский врёт?

Охотник замкнулся в себе, молча, с некоторым укором и недоверием в глазах долго сидел у костра. Он не любил, когда его кто-то обманывал, но не выдавал своей обиды, считая, что если человек захочет, расскажет сам. А может, Дмитрию нечего говорить? Или это злой Харги увлёк русского и Ченку на вершину скалы для того, чтобы потом столкнуть их оттуда в пропасть?

От внезапной мысли у Загбоя похолодела спина. Он повернулся лицом к скале, замер от страха. Ему показалось, как откуда-то сверху слышится глухой, надменный смех, а яркие языки пламени отражаются в чьих-то огромных, блестящих глазах.

Да! Действительно, это был злой дух и искушитель человеческих жизней – Всемогуший Харги! И как это он сразу не мог разглядеть в неприступной каменной гряде его дом? Почему не угадал в препятствиях явный отказ для ночёвки у стен жилища злого духа? Зачем он поставил здесь свой чум и теперь своим присутствием нарушает его покой? Конечно же, теперь Харги будет гневаться и пошлёт на аргиш беду! Горе! Горе Загбою!!! Зачем он повернул своего учага в сторону незнакомых скал?

Запутавшись во власти чар собственных предубеждений, охотник хотел тут же покинуть страшное место, вскочил на ноги, но остановился. Стояла глубокая ночь, олени разбрелись по тайге в поисках корма, а собрать их сейчас вместе стоило огромных трудов. Так что выход каравана в дорогу может состояться только утром. Тогда он бросился к котомке, достал своего деревянного божка, поставил его на пенёк перед собой и стал вымаливать у него удачи и покровительства.

Бог Огня и Удачи Тугэт всегда во все времена был вместе с Загбоем. Не зря охотник мазал его лицо медвежьим жиром, грел у жаркого костра, а в дорогу укутывал в мягкий, тёплый, шелковый спальник, сшитый им из двух чёрных, смолевых шкурок соболей. И благодарный дух защищал его. Может, и теперь Тугэт не оставит эвенка в беде, отведёт карающую руку Харги, защитит их от неудач в пути.

Загбой очень долго разговаривал с деревянным идолом на своём, понятном только ему и Тугэту, языке. Мерцающие блики костра, играя, освещали суровый образ духа. Но охотнику казалось, что его благодетель улыбается ему слабой, обнадеживающей улыбкой. Это значило, что Бог Огня и Удачи слышит просьбы эвенка. Охотник понял, что его покровитель не оставит его в беде. Загбой поверил, что добрый дух помнит все жертвоприношения. И от этого на душе следопыта стало легко и спокойно.

## В объятиях ледяного плена

Загбой открыл глаза. В закопчённое чело чума льётся ровный голубой свет. Где-то глубоко, в вышине неба, мерцающая, гасла далёкая звезда. Нежный поток воздуха невидимым покрывалом бережно освежил заспанное лицо охотника. Наступающее утро позвало к чествованию нового дня.

Он присел, вылез из спальника, потянулся до хруста позвонков, стал одеваться. Рядом, под шкурами зашевелилась Ченка. Загбой легко прикоснулся к плечу дочери, осторожно толкнул, что-то негромко проговорил. Девушка приоткрыла глаза, сладко зевнула, подчинившись голосу отца, начала одеваться.

Накинув на себя лёгкую дошку, пригнувшись, охотник проворно выскочил из чума на улицу, поблагодарил Хомоко – духа, охраняющего вход в жилище, – за спокойную ночь, огляделся. Проверив, всё ли в порядке, убедившись, что все оставленные вещи находятся на своих местах, Загбой сухо улыбнулся уголками губ, стал вслушиваться в звуки тайги.

Тёплое весеннее утро встретило разноголосым гимном пернатых обитателей леса. Прыгая с ветки на ветку, оспаривая любовь самочки, друг за другом мечутся желтогрудые синички. Скромный поползень несёт в клювике длинную соломинку. Где-то в глубине тайги, чертыхаясь, переговариваются дрозды. Чикая нескончаемую мелодию, на длинной ветке корявого кедра пляшет завирушка. Смешно подпрыгивая вверх, монотонно токует рогатый жаворонок – рюм. Резко отбивая такт, поёт горный конёк. Высоко, далеко на белке завохтала рыжепёрая капалуха.

Влажный воздух перенасыщен таявшим снегом, терпким запахом пихтовой смолы, пряной, только что освободившейся из-под зимнего покрывала земли, и холодными, вечными, но безжизненными камнями недалёкого курумника. Весь этот волнующий разум охотника таежный мир и букет ароматов весны призывал к движению, действию, работе.

Подчинившись, Загбой схватил котелок, набрал из ручья талой воды, повесил его на таган и принялся разводить костёр. На шум из глубины тайги выскочили мокрые собаки. Чирва и Илкун успели с утра пораньше пробежаться в окрестностях стана и теперь в ожидании подачи сели неподалёку от своего хозяина. Однако дожидаться пищи от Загбоя бесполезно: собака в тайге должна кормить сама себя! Так гласит закон кочевников. А следопыт твёрдо следует этим правилам.

Но там, внутри чума, находится та, которая вопреки этому правилу всегда находит в карманах дошки лакомые кусочки пищи для своих друзей. Стоило Ченке выскочить на улицу, Чирва и Илкун тут же бросились к девушке. Выражая свою преданность, приветствуя хозяйку, они закрутились у её ног.

Из-под ствола лохматого кедра вскочил Князь, резко дёрнулся в сторону собак, негромко, предупреждающе зарычал. Подобным поведением кобель хотел ещё раз показать свое старшинство в стае, но короткая палка, к которой он был привязан, ограничила свободу передвижения. Кобелю ничего не оставалось, как голосом напоминать о недовольстве издали.

Хозяин Князя – Дмитрий. Зверовой кобель – единственный из пяти собак сгоревшего поселения, кто остался верен ему. Он высок на ногах, широк в груди, силен, вынослив и смел. Дмитрий говорит, что дед Князя – волк. Это подтверждает редкая настойчивость в погоне за зверем, взрывная злоба, необъяснимая агрессия и смертельная хватка. Серый цвет, переданный ему с генами от хищного разбойника, говорит о его родстве с далёкими предками. И, если бы не загнутый в полтора калача хвост и звонкий голос, унаследованные от эвенкийской лайки, вполне возможно, что кобель уже давно бы получил в своё сбитое, поджарое тело пулю от какого-то охотника.

На стоянках Князя лишают свободы передвижения. Причиной служит все тот же цвет шкуры. С некоторого расстояния олени принимают его за волка, в панике далеко разбегаются по тайге. Собрать их потом вместе Загбою доставляет больших трудов, особенно утром. Поняв это раз, опытный каюр на ночь стал привязывать кобеля к палке, так чтобы Князь не мог разогнаться и в прыжке оторваться от связующих оков. Смолистая сырая палка заменяет кожаный маут, который на его острых зубах может сравниться разве что с соломинкой. Сейчас кобелю ничего не остаётся, как завидовать, негодовать в адрес Чирвы и Илкуна, которые, демонстрируя чистую кровь эвенкийских лаек, носят пёстрые, черно-белые шкуры.

Загбой торопится. Ему хочется как можно быстрее покинуть неприветливое место. Однако на сборы в дорогу уходит много времени. Пока они с Дмитрием собирали по тайге и завьючивали оленей, утреннее солнце полностью осветило необозримые просторы горной тайги. День обещает быть ясным, тёплым, ласковым. Это значит, что к полудню жаркие лучи небесного светила подточат крепкий наст, олени будут проваливаться и дальнейшее передвижение каравана станет невозможным. До критического времени остаётся около трех часов. За этот отрезок дня аргишу надо уйти как можно дальше от мрачных скал. Но как покинуть стойбище Харги, если охотник не знает прохода в каменном поясе?

Вчера вечером Загбой ходил вверх по отрогу, дошёл до подножия вершины неприступного заснеженного гольца, но так и не нашёл хоть какой-то лазейки в отвесной стене, вставшей на пути каравана. Как огромные клыки зверя, ожидающего свою жертву, вековые каменные изваяния плотной цепью разделили тропу первопроходцев. Идти вниз, в долину, — значит подвергнуться новым испытаниям. Полноводные вешние воды, питаемые таявшим снегом, затопили берега рек, ручьёв, озёр, залили талым снегом болота, мари, распадки, наплатили и подготовили для встречи с караваном смертоносные зыбуны. Для их преодоления понадобится драгоценное время, силы и, может быть, жизни людей и животных.

Разумнее всего в этот период года продвигаться вершинами хребтов, под гребнем обширного белогорья, альпийскими лугами, на которых ещё лежит подтаявший, но нетронутый снег. Загбой понимает это как человек, всю жизнь проживший в суровом, северном крае. Он предвидит дальнейший путь аргиша чутьём опытного кочевника. Знает, что верный путь каравана лежит только через высокую вершину поднебесного гольца. Охотник вчера смотрел на суровое изваяние перевала и по его покатою, несколько туполобой макушке понял, что они легко преодолеют его. А там, где пройдёт человек, всегда пройдёт и олень.

Сразу от стана перед путниками предстал небольшой взлобок. Но отдохнувшие за ночь, сытые олени пошли ходко, уверенно. Этому способствовала прочная, подмёрзшая корка наста, отлично державшая как людей, так и выючных животных на поверхности зимнего покрывала. Трёхметровый слой слежавшегося снега скрывал под собой поваленные деревья, каменистые курумы, ямы, кочки, переплетения стлаников и создал идеальные условия для быстрого передвижения каравана.

Как всегда, Загбой идёт впереди аргиша. Стараясь держаться своего вчерашнего следа, он внимательно осматривал скалистую гряду в слабой надежде найти хоть какую-то лазейку для прохода. Но, как назло, плотные нагромождения камней скрывали за собой неизвестность местности, куда стремились путники.

В нескольких шагах, за опытным каюром спешит Дмитрий. На ходу поправляя сползающий с плеча ремень винчестера, бесполезно пытаясь восстановить рвущееся дыхание, он то и дело через некоторое расстояние предупреждал эвенка о краткой остановке. В его удивлённом сознании мечутся восхищённые мысли о неутомимости и выносливости проводника и его проворной дочери. То и дело, смахивая с лица обильный пот, русский завидует Загбою и Ченке, на лицах которых нет хоть какого-то намёка на усталость. Ему стыдно перед Ченкой, что он, здоровый и сильный мужик, не может идти так же быстро и без усталости, как она. Чертыхаясь и проклиная перевал, Дмитрий торопит время, желает как можно скорее присесть на спину

оленья. Но крутой взлобок кажется бесконечным. А неутомимый Загбой не разрешает садиться на учага на подъёмах.

Наконец-то тайга поредела. Густой пихтач сменили кедровые колки. Обширные, чистые поляны подсказали, что люди добрались до зоны альпийских лугов. Где-то далеко, высоко, нахмурилась белоснежная поднебесная вершина гольца. На краткий миг, остановившись, Загбой объяснил, что путь каравана лежит через его макушку. Это произвело на Дмитрия гнетущее впечатление. До пика оставалось не менее пяти километров. Крутизна и голые, подверженные эрозии зимних ветров курумы говорили о том, что и дальше, вверх, предстоит идти пешком.

Предлагая остановиться на короткий привал, русский потянулся в карман за кисетом. Загбой тоже достал из оленьей дошки свою костяную трубку, без разговоров залез пальцами в табакерку к Дмитрию, насыпал добрую порцию дурманящего зелья в чубук и в ожидании огонька посмотрел на него.

Вспыхнула спичка. Сизый дым окутал лица кутивших. С важностью понимающего человека, подражая и копируя Дмитрия, эвенк довольно улыбнулся, покачал головой, цокнул языком. Русский, поддерживая его настроение, широко открыл рот, блеснул белыми зубами и похлопал того по плечу. От конца каравана подошла Ченка. Загбой протянул ей дымящуюся трубку. Она глубоко затянулась, задохнулась, закашлялась. Дмитрий и Загбой дружно захохотали. От громкого звука под белогорьем вздохнуло сырое эхо.

Где-то наверху, на соседней поляне послышался шорох. Там бежали собаки. Охотник посмотрел в том направлении, прислушался, насторожился. В глазах промелькнула тень нескрываемого интереса. Обычно собаки всегда торопятся на голос хозяина проверить, где он находится, чем занимается, куда, в какую сторону ведёт след и, только лишь потом, показавшись на глаза, вновь убегают в тайгу. Поведение верных помощников показалось охотнику несколько странным. Они не подходили к каравану, а находись где-то там, за перелеском.

Вот на частице промелькнули три собачьи фигуры. Во главе бежал Князь, за ним торопливо семенили Чирва и Илкун. По настороженному виду, опущенным к земле головам и вздыбившимся загривкам можно было догадаться, что лайки что-то пронюхали.

Резким движением ладони Загбой выбил трубку, положил её во внутренний карман, забросил на плечо ружьё, поспешил к собакам. За ним, как по команде, пошёл его учаг. За оленем, связанный поводками, потянулся весь караван.

Ещё издали охотник заметил на поляне след, пересекавший поляну поперёк его вчерашних следов. Широкие, разбросанные по сторонам копыта сокжоя. Рядом, сбоку, настойчивая, размеренная медвежья поступь. Вчера вечером этих следов не было. Звери прошли рано утром, перед рассветом. Об этом говорили неглубокие вмятины в прочной корке наста, с робкими размывами по краям от тёплого солнца.

Такой след мог оставить только бегущий олень, выбивавший в настe свое передвижение несколько часов назад. По широкому овальному копыту следопыт узнал стельную самку сокжоя, в панике убегавшую от преследовавшего её медведя. Хозяин тайги бежал мелкой трусцой, по всей вероятности, догоняя оленуху. Спаренный след жертвы и зверя вёл в сторону недалёких скал.

Загбой удивился. Он вчера был там, у каменистой гряды, и не видел никакого прохода. Получалось так, что самка сокжоя, не зная о тупике, бежала в западню и нашла свою смерть от беспощадных когтей амикана. Если это так, то медведь должен быть где-то тут, рядом. Но тогда почему молчат собаки?

Охотник снял ружьё, проверил патроны. Подождал, пока подойдёт караван, по спокойному поведению своего очага понял, что медведя рядом нет. И вдруг счастливая мысль лёгкой тенью покрыла его лицо. Он понял, что оленуха, спасаясь от смерти, знала куда бежать. Она помнила, что здесь, в скалах, есть путь к спасению через преграду.

Загбой заторопился, побежал по следам. Вот кончилась поляна. За ней, плотной стеной, прикрывая скалы, стояли четыре корявых, разбитых ветрами кедра. За деревьями – каменная плита. Следы вели за плиту. Он прошёл за этот древний каменный щит и увидел узкую, извилистую щель. Своим разрезом она напоминала глубокий лабиринт, протянувшийся в черноту скал.

В некоторых местах проход имел ширину до двух метров. А где-то сужалась так, что каменные стены были отполированы боками животных, проходивших здесь, между скал. По всей вероятности, здесь была звериная тропа. Иначе как объяснить тот факт, что стельная оленуха направилась сюда? Это также подсказывали многочисленные старые следы, отпечатанные на плотном надуве. Здесь же, увлечённый погоней, вслед за сожжём пролез медведь, а потом пробежали собаки.

Он двинулся вперёд и за вторым поворотом увидел просвет. Длина прохода оказалась около двадцати метров. Трещина полностью разрезала непроходимые скалы и соединяла северную часть альпийских лугов незнакомого белка с восточным плато в виде огромного горного цирка. В отличие от того мира, откуда пришёл эвенк, здесь ласково светило солнце. Обширные проталины породили первые лепестки фиолетовых эдельвейсов. Звонкоголосые ручьи торопили торжественное шествие весны. Лёгкий сивер дурманил воздух ароматом оттаявшей земли, первых луговых трав, запревших за долгую зиму стлаников и родендронов и черствым, заплесневевшим запахом нагретых камней.

При виде царства весны охотник возликовал! Перевоплощение тайги, произошедшее за какие-то несколько десятков метров, для него казалось чудом. Нет, конечно же, он видел подобное много раз. Бывали и такие случаи, когда за одну ночь быстрое шествие времен года раскрепощало землю от снега и почти мгновенно превращало ее в летний бархат с зеленым покрывалом.

Он понимал, что это только яркая игра матери-природы, потому что на северную, заветренную, сторону гор лето приходит намного позже, чем на восточную или даже на южную. Это легко объяснимый закон гор. Но охотник посчитал, что обнаруженный проход между скал был не простой случайностью. Несомненно, это благодарность Тугэта за любовь, почитание и жертвоприношения. Добрый дух услышал молитвы следопыта. Он помог ему, открыл глаза, усыпил бдительность Харги, показал тропу. Как же теперь охотнику не верить в существование злых и добрых духов?

За спиной послышались негромкие шаги. Из прохода вышел Дмитрий. Он, так же как и Загбой, обрадовался новому миру. Какое-то время они молча стояли, восхищённые открывшимся видом, долгожданной переменой в природе и условиями, благоприятствовавшим скорому передвижению каравана. Они вновь закурили и теперь, уже не отрываясь, долго осматривали панораму горного цирка.

Из-за нижней кедровой колки выскочили запыхавшиеся собаки. Пятуя медвежий след<sup>19</sup>, они подбежали к людям. Князь ткнулся мордой в полы дошки Дмитрия. Чирва и Илкун, с некоторого расстояния поприветствовав Загбоя, убежали к Ченке.

Следопыт недовольно вздохнул: слишком много времени прошло с той поры, когда ушел медведь. Высокое солнце подмыло отпечатки следов зверя. Трепетные порывы настойчивого горного ветерка вылизали стойкие запахи. Теперь собакам не догнать амикана. Не будет у Загбоя на ужин сладкой медвежьей печёнки. Не пить из берестяного туеса густой, тёплый, питательный жир. Жалко, очень хороший зверь. По следам видно, что хозяин тайги совсем недавно вылез из берлоги. След зверя широк, тяжёл и раскорист: косолапит от упитанности. Ещё не весь зимний запас растратил после зимней спячки.

<sup>19</sup> В данном случае подразумевается бежать назад, в том направлении, откуда пришёл зверь.

Но добыть медведя никак нельзя. Путь аргиша лежит строго на юг, напрямую через цирк гольца. А след зверя, торопившего сокжоя, уходит ниже, к срезу противоположного отрога. Остаётся только надеяться, что где-то на молодой, свежей траве южных склонов охотникам удастся встретить ещё одного амикана и пополнить опустевшие турсуки вяленным мясом.

На то, чтобы провести караван через проход, потребовалось время. Со спин оленей пришлось снимать потки, затем перегонять выючных животных одной живой цепью в щель в скале, перетаскивать груз на плечах, вновь увязывать нетяжёлые, но объёмистые мешки на покорных учагов и только лишь потом продолжать движение.

Горячее солнце преодолело половину голубого неба, когда коротким окриком опытный каюр вновь тронул аргиш вдоль белка. Несмотря на плюсовую температуру и растворившуюся под лучами небесного светила корку наста, плотный, надувной снег держал оленей на поверхности. Это радовало всех. Забой был счастлив удачному переходу через цирк. Дмитрий довольствовался тому, что вновь ехал на олене. Ченка улыбалась прекрасной погоде и ласковым поцелуям весны.

Далеко впереди, в зоне видимости неторопливо бежали собаки. Они внимательно изучали территорию, осматривали ближние колки, принюхивались к встречному ветру, прислушивались к всевозможным шорохам, возникавшим от тёплого прикосновения рук весны. Вот из-под вершины гольца сорвался комок подтаявшего снега. Остроухий Князь замер, настороженно посмотрел на движение, но, не обнаружив в нём какой-либо опасности, степенно побежал дальше вперёд. Чуткая Чирва уловила запах куропада. Принюхиваясь, осторожно пошла в сторону птицы. По всей вероятности, белоснежный петушок уже давно заметил опасность, заблаговременно порхнул и улетел далеко в густые заросли стланика. Обманутая лайка громко фыркнула, с явным неудовлетворением стала осматривать место, где её «добыча» окрестила лапками подтаявшую массу зимнего покрывала и оставила её с носом. Проворный Илкун раз за разом делал круги под гольцом, возвращался назад, на след идущего каравана, обгонял, убегал вперёд и вновь возвращался к людям.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.